

И. В. Кузнецов

**ЗАМЕТКИ К ИЗУЧЕНИЮ
АГВАНСКОГО
(КАВКАЗСКО-
АЛБАНСКОГО) ПИСЬМА
(I.—III.)**

**I. Письменность в Кавказской Албании по данным
средневековой армянской литературной традиции.
История открытия агванского
(кавказско-албанского) письма**

ОСОЗДАНИИ агванской (кавказско-албанской) письменности повествуют Корюн, Мовсэс Хоренаци, Мовсэс Каванкатваци, Степанос Орбелян. Прямые указания о ее бытовании также имеются у Егише, Гевонда и в некоторых других источниках. Все упомянутые средневековые армянские авторы солидарны в одном — агванский алфавит, так же как армянский и грузинский, создал св. Маштоц, в более поздних документах именуемый Месропом. Все эти источники широко известны, их часто цитируют специалисты, занимающиеся кавказско-албанской проблематикой (Тревер 1959, Мамедов 1977, Геюшев 1984, Мамедова 1986, Акопян 1987, Сумбатзаде 1990 и др.).

1. Корюн и Псевдо-Корюн. Писатель середины V в., автор “Жития Маштоца” Корюн, сам называющий себя учеником последнего, пишет о том, как Маштоц с помощью священника, албанца Бениамина изучил местный язык и создал для него письменность (гл. 15). Существует две редакции “Жития”: одна, с очень архаичным малопонятным текстом, видимо, восходящая непосредственно к Корюну; другая, т. н. Псевдо-Корюн — позднейшая, но также еще средневековая компиляция, где с целью разъяснения темных мест кем-то были добавлены фрагменты из Мовсэса Хоренаци и существенно изменено содержание.

В первой из них содержатся следующие указания (в названиях др. арм. ł транслитерировано как “л”, чтобы подчеркнуть исторический переход $\text{ł} > \text{ł}$ — *И. К.*):

“В это самое время приехал к нему некий иерей, алуанец по имени Бениамин. Он [Маштоц] расспросил его, расследовал варварские слова алуанского языка, затем своей обычной проникаемостью, ниспосланной свыше, создал письменна [для алуанцев] и милостью Христа успешно взвесил, расставил и уточнил”.

И далее:

“И затем после этого он простился [с католикосом Сааком и царем армянским Арташесом], чтобы отправиться в страну Алуанк. И поехал он в тот край, и прибыл в местопребывание царей, повидался со святым епископом Алуанка, звали которого Иеремией, а также с их царем Арсвалом и всеми азатами. Все они именем Христа покорнейше приняли его. И когда они спросили его, он изложил им цель приезда своего. И они оба равные — епископ и царь, согласились принять эту письменность и издали приказ привести из разных гаваров (провинций) и местностей владычества своего отроков для обучения письменности, собрать их, распределить по группам в школах, в удобных и надлежащих местах и назначить содержание на [их] пропитание” (Корюн 1981, 211-212).

Согласно тексту другой редакции Корюна, изданному в 1854 г. мхитаристами в Венеции в 11-м томе сборника “Соп’ерк’ найкаканк”, и затем переведенному Виктором Ланглуа на французский язык, Месроп Маштоц не создал, а лишь “возобновил”, “обновил” алфавит кавказских албанцев:

“... а затем он отправился в Алванк, обновил их алфавит, возродил традиции ученья...” (Gorioun 1869, 10).

Или в варианте перевода непосредственно с венецианского текста 1854 г., предложенном А. В. Мушегяном:

“...придя в Алуанк, там он [Месроп] вновь создал тем же образом письменна и [дал] наставления любить учение, и оставив там учителей, возвратился в Армению” (Sop’erk’ haykakank’ 1854, 12; Мушегян 1989, 30).

Еще одно упоминание агванской письменности содержится в другом месте этой рукописи (в чуть вольном переводе Камиллы Васильевны Тревер):

“...во всех частях Армении, Грузии и в стране албанов Месроп мужественно и неустанно обучал новым письменам в течение всей своей жизни, весною и зимою, днем и ночью” (Gorioun 1869, 12; Тревер 1959, 307).

С последними двумя цитируемыми отрывками, очевидно, связано недоразумение. К. В. Тревер считает подлинником Корюна рукопись венецианского текста 1854 г. И наоборот, редакцию, которую арменоведы, начиная с Я. А. Манандяна, обычно принимают за подлинник, она называет Псевдо-Корюном. На этом основании у нее получается, что первична та версия, согласно которой “в начале V в. в Албании уже имелся какой-то свой старый алфавит, который Маштоц “возобновил”” (Тревер 1959, 307).

Для нас мотивировка такой точки зрения на соотношение обеих редакций сочинения Корюна остается неясной. Во всяком случае, посвященная разбору этого вопроса, часть книги Тревер изобилует неточностями или досадными опечатками, например, говорится о том, что венецианская редакция переведена на французский “И. Р. Эминым” (очевидно, Н. Эмином), хотя в действительности автором перевода был В. Ланглуа и т. д. (Тревер 1959, 307-309).

Мнение Тревер во многих аспектах является ориентиром для азербайджанских специалистов, занимающихся кавказско-албанской проблематикой. Это послужило тому, что они, как правило, не вникая в данную источниковедческую тонкость, вслед за Тревер, также рассматривают венецианский текст в качестве подлинника. Фарида Мамедова именно на этом допущении строит свои выводы о существовании домаштоцевской письменности в Кавказской Албании (Мамедова 1986, 256).

Концепция этой исследовательницы, в том числе в той части, где она интерпретирует происхождение агванского письма, вызвала резкую критику в Армении.

Например, Бабкен Арутюнян объясняет появление данного двусмысленного указания Псевдо-Корюна совершенно по-другому: “По-видимому, распространение албанских писем Бениамином (первая попытка, согласно мнению критика — И. К.) не имело успеха, и Месроп Маштоц был вынужден сам отправиться в Албанию и вдохнуть жизнь в созданную им албанскую письменность” (Арутюнян 1987, 35).

Иначе, но опять-таки исходя из общего смыслового контекста, интерпретирует отрывок из Псевдо-Корюна со словом *poroger* “возобновил” А. В. Мушегян: “Непосредственно перед этим говорилось о том, что Месроп побывал в Грузии, там создал письменна, собрал детей и назначил учителей для обучения их письму. Глагол *porogel*, помимо значений “обновить, восстановить”, имеет

также смысл “вновь начать, повторить прежнее действие”. Слова компилятора ...означают, что Месроп вновь начал (возобновил) в Албании ту же деятельность, что и до этого в Грузии, а не то, будто он *реставрировал в Албании* существовавший прежде алфавит” (Мушегян 1989, 30). Но в пылу полемики Мушегян пытается уличить Ф. Мамедову даже в тех грехах, которые она не совершила и приписывает ей недобросовестное отношение к источникам, и прежде всего к Корюну, не замечая при этом действительных причин конфуза.

2. Мовсэс Хоренаци. Рассказ об изобретении агванского письма Маштоцем повторяет в своей “Истории армян” Мовсэс Хоренаци — автор первой половины V в. (В случае с Псевдо-Корюном версия Хоренаци является источником, а не повторением.) Этот историк повествует о поездке Месропа Маштоца в Албанию к царю Арсвагену и к главе епископов Иеремии с целью создания письменности и сообщает очень важную деталь — письменность была создана только для одного из языков Кавказской Албании — гаргарского (кн. III, гл. 54):

“Они охотно принимают его учение и дают ему [для обучения] избранных мальчиков. И призвав к себе даровитого переводчика Вениамина, которого немедленно отпустил к нему юный Васак, владетель Сюнийский, через посредство епископа своего Ананию, Месроп при помощи их создал письмена говора гаргарского, говора, богатого гортанными звуками, грубого, варварского, в высшей степени нескладного. Поручив надзор ученику своему Ионафану и назначив священников при царском дворе, сам Месроп возвращается в Армению” (Тревер 1959, 308).

Перевод К. В. Тревер не лишен литературной обработки. Особенно это касается фразы, где дается характеристика гаргарского языка. Поэтому ниже мы помещаем этот же фрагмент в переводе А. Г. Абрамяна:

“Они охотно приняли его учение и дали ему избранных мальчиков. И призвав к себе даровитого переводчика Вениамина, которого немедленно отпустил к нему юный Васак, владетель Сюнийский, через посредство епископа своего Анании, Месроп при помощи их создал письмена гортанного, грубозвучного и кривдовывого гаргарского языка (выделено нами — И. К.). Поручив надзор ученику своему Овнатану и назначив священников при царском дворе, сам Васак возвратился в Армению” (Абрамян 1964, 4; Мовсэс Хоренаци 1913, 329).

3. Егише. Егише (Елише) — историк V — нач. VI вв. упоминает о письменности у агван в рассказе о событиях, относящихся к V в. (суд над восставшим Васакком Сюнийским). Эти сведения важны нам как документальное свидетельство существования кавказско-албанской письменности в V в.:

“... предъявлены были грамоты, которые дал Васак всем, кто был с ним в договоре об участии в восстании: одну грамоту из страны иберов, и одну грамоту из страны албанов...” (Егише 1904, 132; Тревер 1959, 308).

4. “Книга писем”. Следующим таким свидетельством, относящимся к началу VI в., является “Книга писем” (“Книга переписок”) — сборник 98 посланий в хронологическом порядке, своеобразное руководство во время догматических споров, официальная редакция которого относится к VII в. Во втором письме армян к православным единоверцам в Персии (относится ко времени после Двинского собора 505 г.) говорится:

“...мы писали вам раньше, в согласии с грузинами и албанцами письмом каждой страны. А теперь повторяем то же самое” (Шанидзе 1938, 3; Шанидзе 1960, 169; Книга переписок 1901, 48-51).

5. Мовсэс Каганкатвази. Чрезвычайно важны данные об агванском письме, вообще о кавказско-албанской книжности, содержащиеся в “Истории страны Алуанк” —компилятивном, скорее всего, сочинении, приписываемом Мовсэсу Каганкатвази (Моисею Каланкатуйскому) или Мовсэсу Дасхуранци (VII или X вв.). В нем имеется целый ряд упоминаний, относительно происхождения местной письменности, бытования в Кавказской Албании письменных памятников, школах, об уничтожении албанских книг завоевателями, в частности хазарами.

Автор (или редактор) этого труда уже на первых страницах стремится подчеркнуть, что агваны принадлежат к письменным культурам (кн. I, гл. 3):

“Имеющие письменность народы суть: евреи, латиняне, [письменностью] которых пользуются и ромеи, испанцы, греки, мидийцы, армяне, алуанцы. [Все они живут] к северу от Мидии, и так до пределов Гадирона, т. е. от реки Паргамидос до Мастописа, т. е. до востока” (Мовсэс Каланкатуази 1984, 24).

Это — очень интересное указание, с той точки зрения, что если бы во время появления “Истории страны Алуанк” книжный (письменный) характер кавказско-албанской культуры все еще был

бы очевиден, в подобной декларации не было бы смысла. Интересно также то, что в этом списке присутствуют армяне, но нет упоминаний о грузинах.

По поводу происхождения письма в летописи содержится три упоминания. Главное — это целиком заимствованный из Мовсэса Хоренаци рассказ о составлении агванского алфавита Месропом Маштоцем, являющийся своего рода официальной армянской версией, к которой автор албанской хроники ничего не смог добавить (кн. II, гл. 3):

“В те времена, когда императором греческим был Феодосий Младший, царем Армении — Врамшапух, царем Персии — Иазкерт, а царем Алуанка — Есвален, в Алуанке, к хайрапету нашему Иеремии и царю Есвалену прибыл муж, имеющий великие заслуги, блаженный Месроп, избранный сосуд Святого Духа. Они [Есвален и Иеремия] охотно согласились содействовать ему в наставнической деятельности, которую он вел благодаря Божьему дару — Святой Дух через него даровал письма армянам и иверам, и с любовью дали ему отроков смышленных на обучение. Из Сюника пригласили переводчика Бениамина, которого, по просьбе епископа Анании, отпустил доблестный Васак [князь Сюника]. Прибыли они к Месропу и с ними вместе [Месроп] создал письма для изобилующего гортанными, грубейшими, варварскими и труднопроизносимыми звуками языка гаргарийцев. Затем, оставив тут настоятелем ученика своего Иовнатана и назначив при царском дворе священников, [Маштоц] возвратился в Армению. Оттуда он отправился в [город] Византион, к императору Феодосию. [Затем], возвратившись со своими учениками, стал ездить [по Армении]” (Мовсэс Каланкатуаци 1984, 70).

Два других — это только короткие упоминания. Они показывают, что Мовсэс Каганкатуаци ничуть не сомневается в правдивости упомянутой официальной версии и опирается на нее при датировке других событий.

Первое (кн. I, гл. 27):

“Один из прежних вардапетов попечением Святого Духа создал алфавиты [письмена] для трех народов — армян, алуанцев и иверов” (Мовсэс Каланкатуаци 1984, 60).

И второе (кн. III, гл. 24):

“Владыка Иеремия — это в его дни блаженный Месроп создал алуанские письма, точно так же, как дал он письма

армянам и иверам, [приложив] огромные усилия” (Мовсэс Каланкатуацци 1984, 171).

Есть также прямые указания на существование в Кавказской Албании специальных школ, в которых занимались изучением христианских книг, учились читать. Одна школа описывается в том месте, где говорится о просветительской деятельности албанского царя Вачагана Благодетельного (кн. I, гл. 18):

“Венчанный волей Божьей Вачаган повелел собирать детей колдунов, чародеев, жрецов, персторезов, отравителей и отдавать их в школы, обучать божественной вере, и жизни христианской, дабы утвердить их в исповедании Троицы, направлять по пути богопочитания их отцовский неверующий род. Многих же отроков он собрал в своем собственном селении Ростак, выделил им на пропитание и назначил над ними учителей, приказав обучить их и сделать знатоками христианских порядков.

И каждый раз, когда царь приезжал в свое селение совершать богослужение в память святых, он заходил и в школу, собирал вокруг себя детей колдунов и жрецов, и те окружали его большой толпой, кто с книгами, кто с пнакитами в руках. Тогда царь приказывал им громко читать хором, а сам слушал и, радуясь, гордился ими больше, чем человек, нашедший огромный клад” (Мовсэс Каланкатуацци 1984, 43).

Под пнакитами (арм. рнаkit < греч. πινακίς) здесь подразумеваются воощенные доски, на которых писали используя остроконечный стержень, и которые употребляли для учебных целей, начиная с античности.

В сюжете о блаженном отшельнике Иове, который обращает в христианство население гавара (района) Пазканк в Арцахе, говорится еще об одной школе (кн. I, гл. 22):

“Пришел в гости инок другой, и мы приказали подать ему обед, и отрок поднес ему чашу вина. Когда он обедал, в селе поднялся шум, и все мы, оставив гостя одного, пошли на крики. Встал гость, взял чашу и ушел тайком. Он продал чашу, взял деньги, поступил в школу и стал учиться на эти деньги” (Мовсэс Каланкатуацци 1984, 52).

В хронике упоминаются и приводятся также тексты писем:

— епископа Гюта к царю Ваче (кн. I, гл. 11),

— царя Вачагана к епископам (кн. I, гл. 21),

— Абраһама Мамиконеана к царю Вачагану (кн. I, гл. 25),

- армянского католикоса Иовханнэса к албанскому — Тер-Абасу (кн. II, гл. 7),
- царя Джываншера к императору Константину (кн. II, гл. 20),
- письмо участников церковного собора епископов Давида и Иовела к Джываншеру и ответ (кн. II, гл. 30-31),
- властителя нонов к правителям Армении и ответное письмо армян нонам (кн. II, гл. 44-45),
- ответное послание армян епископу Амараса Мхитару (кн. II, гл. 49),
- собора Албании армянскому католикосу Елии (кн. III, гл. 4),
- армянского католикоса Елии к эмирэмину Абдулмелику и ответ (кн. III, гл. 5-6).

Это свидетельствует о широком распространении письменной культуры в Албании. Однако в описаниях и упоминаниях школ и писем нигде не говорится о собственно агванском письме, поэтому, в строгом смысле, они не подтверждают еще широкое распространение именно местной письменности. Языком обучения и переписки или параллельным литературным языком мог быть уже тогда армянский.

На возможность такой ситуации указывает то место хроники, где говорится о нахождении епископами Давидом и Иовелом армяно-сирийской билингвы во время раскопок остатков древней часовни на берегу р. Тертер, в гаваре Мец Колманк. Событие это, видимо, относится к V — VI вв. (кн. II, гл. 29):

“И когда углубились на десять пядей, они там нашли две серебряные корзины со свинцовой печатью. К ним была прикреплена отлитая из золота толстая пластина, а на ней надпись сирийскими и армянскими письменами... И прочел надпись на золотой дощечке тот архидиакон хорепископ. А надпись гласила: “Это частица мощей Иерусалимских святых”” (Мовсэс Капанкатуыйский 1984, 109).

Два раза Мовсэс Каганкватваци говорит об уничтожении некогда существовавших книг завоевателями. Первый раз упоминание об этом помещено сразу же после отрывка из Мовсэса Хоренаци об изобретении агванского письма Маштоцем (кн. III, гл. 4):

“После этого хазирь (хазары — И. К.) пленили страну Алуанк. Сожжены были церкви и книги Заветов. Затем, на втором году [царствования] Хосрова, царя царей, когда было положено

начало армянскому летоисчислению, в том самом году патриарший престол Алуанка был перенесен из города Чола в столицу Партав из-за разбойничьих набегов врагов креста Христова” (Мовсэс Каланкатуацци 1984, 71).

Создается впечатление, что сюжеты об изобретении агванского письма и хазарских злодеяний имеют смысловую связь: первый повествует о том, как возникла письменная культура, второй — объясняет ее отсутствие во времена, когда жил автор.

Так как первый год армянского летоисчисления соответствует 551 г., описанные события хорошо датируются, т. е. получается, что захват Кавказской Албании хазарами произошел в середине VI в. Однако, столь ранняя дата выглядит сомнительной. Это может быть и анахронизм, каких много у Мовсэса Каганкатуацци. В частности анахронизмом является упоминание другого нашествия хазар на Армению в царствование Шапура II около 350 г. В этом смысле, “История страны Алуанк” не исключение, а правило, характерное для ранней армянской и грузинской историографии: у Мовсэса Хоренацци можно найти упоминания о “толпах хазар и басилов”, участвующих в событиях между 193 и 213 гг., в “Мокцевай Картлисай” (“Обращение Грузии”) тюрки (“бунтюрки” и “һоны”) фигурируют одновременно с походом Александра Македонского в Закавказье и т. д. (Сумбатзаде 1990, 77; Артамонов 1962, 116). Скорее всего, речь идет о нашествии хазар в VII в.

Второй раз об уничтожении книг говорится тогда, когда автор берется восстановить перечень местных албанских католиков, о которых, очевидно, нет ничего в армянской историографии, и поэтому ему приходится опираться на какие-то устные традиции, еще бытовавшие в регионе (кн. III, гл. 24):

“Об именах һайрапетов также надлежало написать здесь достоверное для памяти. Однако [книги], повествующие о предыдущих предводителях — об их времени, о деяниях и именах, сожжены беззаконниками и хотя нам теперь не известно, где находятся [книги] Заветов и утварь, мы все же постарались более или менее полно составить этот [список] для тех, кого это заинтересует” (Мовсэс Каланкатуацци 1984, 171).

На этом все сведения о письменности и письменных памятниках в данном источнике исчерпываются.

6. Гевонд. Последнее по времени (VIII в.) документальное подтверждение бытования кавказско-албанского письма мы находим в “Истории халифов” Гевонда (Левонда). В главе 14 он сооб-

щает о том, что *“чудесное и спасительное богоучение”* преподавалось и на албанском языке, и что *“та же самая книга — Евангелие на всех языках хранилось цело, неврежденно”* (Гевонд, гл. 14).

7. Степанос Орбелян. Наконец, автор XIII в. Степанос Орбелян в своей “Истории Сюника”, будучи сам сюнийским митрополитом, потому хорошо осведомленный с книжной традицией региона, многократно упоминает различные события из ранней истории Кавказской Албании. Что касается агванского письма, то он только повторяет рассказ о прибытии св. Маштоца к албанскому царю Арсвагену, с целью создания алфавита, и уже ничего не говорит о бытовании письма у кавказских албанцев в его бытность, т. е. после VIII в. (Stéphannos Orbélian 1864 – 1866).

8. Ограниченность армянских источников. Итак, в армянских летописях, житиях, дидактических сочинениях и трактатах представлены многие детали, рисующие потерянную культуру Кавказской Албании. Все это в полной мере относится к проблеме агванского письма. До открытий, сделанных уже только в новейшее время, речь о которых пойдет дальше (см. I, 10 – 12 данной статьи), мы предполагали существование этого письма, благодаря лишь одним армянским источникам, упорно свидетельствовавшим об этом. (Напротив, грузинская книжная традиция, как и сирийская, персидская, содержит в основном только случайные упоминания о Кавказской Албании, из которых невозможно составить целостной картины и почерпнуть каких-либо сведений о кавказско-албанской письменности.)

Можно выделить сущностные моменты в той версии ее истории, которая была изложена средневековыми армянскими историографами: изобретателем кавказско-албанского письма является св. Маштоц, создавший до этого армянский и древнейший грузинский алфавиты; агванское письмо, вероятнее всего, обслуживало только один (гаргарский) из многочисленных языков Кавказской Албании; письменность на нем существовала недолго — в период V — VIII вв.; имелись оригинальная кавказско-албанская литература, преимущественно церковного характера, и, видимо, также традиция обучения на местном языке; памятники агванского письма были в последствие уничтожены.

Однако обращение к армянским источникам должно подразумевать критическое к ним отношение, в данном случае в особенности. Совершенно очевидно, что средневековая армянская

историография представляет собой глубоко специфическое явление, которое необходимо рассматривать в общем контексте армянской культуры того времени. Иными словами, исходные концепты этой историографии значительно отличаются от того, что принято сейчас называть научным мышлением. Важное отличие армянских источников кроется в их отчетливо выраженном историзме, линейном хроникальном характере. Подобно античным греко-римским сочинениям, здесь все изобретения, просто события, стараются приписать деятельности конкретного исторического лица, каждое изменение — точно датировать.

Так, длительный и сложный процесс перехода к собственной письменности, армянская книжная традиция связывает с именами конкретных людей св. Маштоца (особенно) и католикоса Сахака Партева и называет точно период, вплоть до года, когда произошел этот акт — время правления царя Врамшапуха Аршакуни (скорее всего в 405 — 406 г.). Об этом подробно, ничуть не сомневаясь, рассказывает целый ряд средневековых авторов, начиная с Корюна и Мовсэса Хоренаци. Ср. кажущиеся теперь наивными утверждения Геродота, и даже Фукидида, Плиния Старшего о том, что: “Поликрат... первый из эллинов пришел к мысли утвердить господство на море” (Геродот, История, III, 122; Хрестоматия 1964, 31), “Минос — самый древний из тех, о ком мы знаем по слухам, приобрел флот” (Фукидид, История, I, 4; Хрестоматия 1964, 31), “Дедал изобрел столярное искусство” (Плиний Старший, Естественная история, VII, 198; Хрестоматия 1964, 32).

По-видимому, характерно, что в грузинской литературной традиции, историчной в гораздо меньшей степени, чем армянской, кроме очень позднего мельком брошенного замечания у историка XI в. Леонти Мровели о том, что изобретателем грузинской письменности является царь Фарнаваз (вероятно, IV — III вв. до н. э.), подобная сугубо историческая версия возникновения национальной письменной культуры не укрепились и не находят отражения. Ничего не говорят грузинские документы и о другом важном этапе — замещении письма *хуцури* (*асомтаврули*) алфавитом *мхедрули*, т. е. современным грузинским письмом, может быть, даже генетически не связанным или очень отдаленно связанным с древнейшим грузинским.

Что касается агванской письменности то, как мы увидим позже (см. II, 4, 9 данной статьи), есть некоторые основания предполагать относительно длительный процесс ее сложения и разви-

тия, в противовес одноактному изобретению, о котором свидетельствуют армянские источники.

9. Ранние попытки поисков памятников агванского письма. Несмотря на предположения, целиком основанные только на свидетельствах средневековой армянской литературной традиции (см. I, 8 данной статьи), о существовании в древности особого кавказско-албанского письма, вплоть до 1930-х гг. достоверно не было известно ни одного его памятника. Значение открытия агванского письма для кавказоведения, и то, что произошло это событие достаточно поздно, и само по себе очень напоминает детективную историю, заставляют нас остановиться на этом моменте более подробно.

Так, еще в 1838 г. известный французский востоковед Эжен Борэ в докладной записке, адресованной Французской академии наук, сообщал, что в одной из рукописей Матенадарана (Эчмиадзин) ему удалось обнаружить алфавит кавказских албанцев (Boré 1840, 34 – 54).

В 1886 г. арменовед профессор Н. Карамянц опубликовал статью, в которой сообщал о виденной им в Мюнхене примечательной армянской рукописи с миниатюрами (“Роман Александра”), переписанной в 1535 г. диаконом Иосафом в монастыре Сурб Григор Лусаворич в Сивасе. В ней на последней странице рядом с другими записями содержались две строчки, написанные неизвестным письмом, а на полях около первой из этих строк была сделана пометка по-армянски: “письмо агванское” (gir ałuanic̄). Карамянц осторожно предположил, что упомянутые две строки выполнены агванскими буквами (он насчитал их 21) и повторяют армянскую надпись, начинавшуюся со слов “помяните грешного Иосафа диакона” (Karamianz 1886, 317 – 319).

Однако позднее выяснилось, что оба “открытия” были мнимыми — в обоих случаях исследователи столкнулись с армянскими криптограммами (тайнописью) (Handes amsoreay 1903, 334 – 335).

Несколько раз неясные, с точки зрения лингвистической атрибуции, эпиграфические памятники также принимали за агванские.

В 1879 г. А. В. Комаров отмечал, что видел три кладбища к югу от Дербента, в лесах около Гюртен-чая, где среди армянских надписей были такие, которые “прочесть никто не смог” (Комаров 1879, 438).

В конце XIX в. архиепископ М. Смбалян в поисках агванского алфавита исследовал Ширван и Дагестан. Его внимание привлекла надпись на внешней, северной стене Дербента, состоящая из десяти заглавных букв, похожих на армянские, но не являющихся таковыми. Эту же надпись повторно открыл и определил как агванскую Макар Бархударян (Смбалян 1896, 248; Бархударян 1893, 119).

В 1906 г. при раскопках древней столицы Кавказской Албании Кабалы (совр. с. Чухур-Кабала, Кабалинский район, Азербайджан) была найдена и затем вывезена в Петербург шестистрочная надпись, являвшаяся, по-видимому, агванской. Однако эта надпись оказалась утеряна (Климов 1970, 112 — устное сообщение В. Л. Гукасяна Г. А. Климову).

В 1923 г. экспедицией под руководством Н. В. Яковлева в с. Орода (Гунибский район, Дагестан), во внутренней стене башни кровников в перевернутом виде был найден камень с еще одной предположительно агванской надписью. Она состояла из заглавных букв, тождественных грузинским-хуцури, но не читалась по-грузински. Академик Николай Яковлевич Марр попытался дешифровать ее исходя из аварского языка и пришел к выводу о ее христианском характере (Марр 1947). В настоящее время этот камень также утерян.

10. Алфавит из рукописи № 7117. Настоящее открытие кавказско-албанского письма произошло в 1937 г., когда профессор И. В. Абуладзе нашел в армянской рукописи XV в. (Матенадаран, Эчмиадзинский фонд, № 7117) первый список агванского алфавита, состоящего из 52 своеобразных букв. Рукопись эта состоит из 346 листов и представляет собой учебник армянского языка, составленный по заказу священника Мкртыча. Основанием рукописи послужил протограф, привезенный в Армению из Каффы (Крым) католикосом Киракосом Вирапеци (1441 — 1442 гг.), который поместил рукопись в Мецопском монастыре. Здесь по настоянию вардапета Товмы примерно в 1436 — 1440-х гг. (последний умер в 1446 г.) рукопись была переписана известным писцом диаконом Ованнесом Мангасаренцом из Арчеша. В учебнике приводятся для сравнения списки ряда алфавитов, в основном древнехристианских (армянского, греческого, латинского, сирийского, грузинского, коптского, арабского и агванского). Агванский алфавит озаглавлен: “Ałuanic̄ girn ē”, т. е. “агванское письмо суть”.

В следующем году Илья Абуладзе опубликовал сообщение о своей сенсационной находке, к которому было приложено солидное исследование открытой кавказско-албанской письменности авторитетнейшего кавказоведа академика Акакия Гавриловича Шанидзе (Абуладзе 1938; Шанидзе 1938). В отличие от предшествующих случаев, с самого начала подлинность списка алфавита, найденного Абуладзе, не вызвала сомнений.

Через два года Абуладзе сделал еще одно важное сообщение, косвенно подтверждающее тот факт, что кавказско-албанское письмо действительно существовало и алфавит из рукописи № 7117 подлинный (Абуладзе 1940, 317 – 319). Опять-таки, в Матенадаране им было найдено два рукописных списка текста, озаглавленного “Об истории святого и божественного елеса, которую написали отцы Востока агванским письмом и перевели на армянский язык” (№ 3070, лл. 43 – 49; № 2121, лл. 340б – 342а, есть еще три списка этого текста: № 2080, лл. 118а – 120а; № 2136, лл. 2б – 3б и № 2618, лл. 95а – 96б). О существовании такого труда никто из средневековых армянских историографов не упоминал.

Мнение обоих исследователей (И. В. Абуладзе и А. Г. Шанидзе) поддержали не только лингвисты (Ачарян 1941; Dumézil 1940-1941, 126-127; Newsen 1964, 427 – 432), но и другие видные ученые, занимающиеся кавказско-албанской проблематикой, например Камилла Васильевна Тревер (Тревер 1959, 311 – 312; Тревер 1960, 8 – 9). Единственным сомневающимся долгое время оставался профессор Л. М. Меликсет-Бек, который считал, что рукопись № 7117 не настолько архаична, чтобы датировать ее тем же временем, когда армянский и грузинский алфавиты получили свое новое оформление, и что, невероятно, чтобы в V в. на основе такого низкого уровня развития ближневосточной графики мог возникнуть пятидесяти двухзначный алфавит (Меликсет-Бек 1957, 62).

11. Мингечаурские находки. А. Г. Шанидзе писал в упомянутой работе: “Раскопки должны дать нам убедительный эпиграфический материал, подтверждающий сведения армянских источников о существовании албанской письменности”. Это было научным предвидением. Через десять лет, в 1948 г. во время земляных работ в Мингечауре (предстояло затопление определенной площади в связи со строительством Мингечаурской ГЭС) был раскопан раннесредневековый христианский храм VI — VII вв. и найден первый образец достоверно агванской эпиграфики.

Работа Мингечаурской экспедиции продолжалась до 1952 г. В разное время под руководством С. М. Казиева работали Т. И. Голубкина, Е. А. Пахомов, Н. В. Минкевич-Мустафаева, Р. М. Ваидов, В. П. Фоменко, Г. М. Асланов, К. М. Ахмедов и Г. И. Ионе. В результате были найдены восемь (или семь) эпиграфических памятников (надпись на “постаменте алтарного креста” и различные граффити, всего около 200 знаков), а также богатый нумизматический материал V в. — нач. VIII в. (Казиев 1948; Голубкина 1949; Ваидов, Фоменко 1951; Ваидов 1951; Ваидов 1958 и др.). Среди этих находок оказалась и такая (надпись на подсвечнике № 2), которая, видимо, воспроизводила последовательность из десяти букв, аналогичных начальным буквам алфавита рукописи № 7117, и, тем самым, еще раз подтверждала подлинность последней.

12. Алфавит из рукописи А. Курдиана. Наконец, в 1956 г. собиратель армянских манускриптов А. Курдиан (Канзас-сити, шт. Канзас, США) открыл второй экземпляр алфавита в рукописи, полученной им в 1953 г. Эта рукопись была переписана в 1580 г. в монастыре Баридзор в Хизане. Помимо различных текстов, она содержала и таблицы алфавитов, среди которых, также имелся кавказско-албанский алфавит. Он очень напоминал алфавит, описанный И. В. Абуладзе и А. Г. Шанидзе. Как и в рукописи № 7117, в отличие от помещенных здесь алфавитов других языков, кавказско-албанский алфавит не был снабжен соответствующим текстом. Сам А. Курдиан предположил, что его находка — копия с мецопского списка, и что оба экземпляра восходят к одному оригиналу (Kurdian 1956, 81 – 83). Однако Шанидзе, откликнувшийся на это новое открытие специальной статьей, засомневался в правильности подобного предположения (Шанидзе 1959, 201 – 206).

13. Находка из с. Верхнее Лабко. Позднее близ с. Верхнее Лабко (Левашинский район, Дагестан) была найдена еще одна надпись на каменной табличке, в точности воспроизводящая агванский алфавит рукописных списков. В отношении ее подлинности до сих не утихают сомнения. К сожалению, обстоятельства этой находки нам неизвестны (прорись воспроизводится в: Климов 1976, 451). По ее поводу, профессор Кемал Гасанович Алиев замечает: “Недавно в Дагестане (район Леваша) при туманном стечении обстоятельств обнаружена каменная табличка, знаки которой, кажется, тесно перекликаются с буквами албанского алфавита из матенадаранской рукописи. Табличка не укладывается в рамки эпиграфики раннего средневековья, с одной стороны, и

рабски копирует албанский алфавит — с другой, хронологически повисая в воздухе. Все это наводит на грустные размышления о неподлинности каменной таблички” (Алиев 1992, 81-82).

Как бы то ни было в последнем случае, реальность существования особого кавказско-албанского письма была подтверждена, и сам алфавит найден. Однако, начиная с 1970-х гг. в изучении агванской письменности наметился кризис. С этого времени практически перестали поступать и известия о новых находках.

II. Агванский (кавказско-албанский) алфавит

1. Имена букв алфавита из рукописи № 7117. Все 52 буквы алфавита из рукописи № 7117 снабжены названиями. Они достаточно оригинальны, как и сами буквы. Эти названия, видимо, условны и представляют собой неэтимологизирующиеся и непонятные речевому носителю звуковые комплексы. Важнейшей функцией их было выступать в качестве мнемотехнического средства, упрощающего запоминание алфавита. Тоже характерно и для других алфавитных традиций региона.

Ворошил Гукасян все же попытался разъяснить некоторые из названий агванских букв с позиций современного удинского языка. У него вышло: *zox* (20-я буква) “молодая ветка, побег”, *kat* (42-я) “капля”, *žil* (8-я) “смятение”, *so* (46-я) “один”, *un* (35-я) “ты”, *ša* (14-я) “песок”, *saw* (48-я) “блеск”, *ša* (10-я) “веревка из шерсти”, *ar* (25-я) “груша”, *mak* (29-я) “кол”, *čou* (28-я) “мир”, *čayn* (49-я) “масло”, *ēb* (5-я) “шов”, *tiwr* (45-я) “нога” (Гукасян 1962). Это очень похоже на народные этимологии.

Что касается возможного источника или источников возникновения этих названий, то необходимо заметить, что четыре агванских буквы обладают названиями идентичными (или почти идентичными) с грузинскими: *en* (7-я буква) и груз. *en*; *čar* (19-я) и груз. *čar*; *kar*, *kař* (21-я и 30-я) и груз. *q'ar*, *q'ar*; *un* (35-я) и груз. *un*; одна (51-я) — названием идентичным с армянским *p'iwř*. Имя еще одной буквы — возможно, общее во всех трех алфавитах, ср. агв. *ina* [значение неясно], арм. *ini* [i], груз. *in* [i]. Наконец, первая буква в алфавите из рукописи № 7117 явно напоминает этим качеством греческий прототип — *alt'*.

Все названия агванских букв данного списка (имеются ввиду реальные дошедшие до нас, а не реконструированные формы), в соответствии с тем, с помощью какого конечного элемента

они образованы, можно разделить на 16 типов: на *-m* (zim, xam), на *-n* (en, xen, pen, lan, dan, ĵayn, çayn, un, ion), на *-i-l* (žil), на *-r* (čar, kar, ar, kaŕ), на *-s* (t'as, p'es), на *-d* (yud, yayd), на *-t* (gat, jat, kat, lit, het), на *-x* (zox), на *-k* (mak, sek), на *-k'* (šak'), на *-ç* (nuç), на *-z* (vez), на *-i* (či), на *-a* (ča, ža, ša), на *-au* или *-ou* (hay, çay, ĵay, tay, jay, yoŷ, soy), на *-aw* и *-iw* (saw, k'iw). Отдельную группу составляют названия, не принадлежащие ни к какому из перечисленных типов: alt', odet', ēb, zaŕl, irb, tiwr, p'iwŕ. Если посмотреть, насколько часто данные типы названий встречаются в двух других кавказских алфавитах, то получается следующая картина:

	<i>агванский</i>	<i>армянский</i>	<i>грузинский</i>
<i>-m</i>	2	1	—
<i>-n</i>	9	5	22
<i>-i-l</i>	1	—	2
<i>-r</i>	4	1	7
<i>-s</i>	2	—	1
<i>-d</i>	2	—	—
<i>-t</i>	5	1	—
<i>-x</i>	1	—	—
<i>-k</i>	2	—	—
<i>-k'</i>	1	—	—
<i>-ç</i>	1	—	—
<i>-z</i>	1	—	—
<i>-i</i>	1	1	—
<i>-a</i>	4	7	—
<i>-au (-ou)</i>	7	—	—
<i>-aw (-iw)</i>	2	1	—

Таким образом, 31% названий агванских букв напоминают армянские (соответствующие типы встречаются в агванском и армянском алфавитах); 28,8% — грузинские в большей степени, чем армянские (типы более характерные для грузинского алфавита); 6,6% — только грузинские и 33,3% — являются оригинальными, ни на что не похожими. Ранее А. Г. Периханян отмечала значительное сходство их с названиями букв в армянском и грузинском алфавитах, имея ввиду арамейскую традицию, в качестве общего источника для всех трех (Периханян 1966, 125).

2. Фонетические значения букв (реконструкция А. Г. Абрамяна). После кратковременных восторженных откликов ученых на открытие Ильей Абуладзе агванского алфавита наступило разочарование. Алфавит не был и не мог быть, по существовавшей тогда практике, снабжен какими бы то ни было указаниями относительно фонетического значения букв, за исключением того, что рядом с их начертанием помещались названия, которые служили намеком на действительное чтение. Так было в армянском и грузинском алфавитах, например, буквы с названиями *ayb* и *ben* армянского алфавита, и с названиями *an* и *ban* — грузинского, читаются, соответственно, как [a] и [b]. Однако, это правило не всегда соблюдается — в грузинском есть буква *he* с фонетическим значением [eu] и др.

Названия же 52 букв агванского алфавита из рукописей № 7117 и коллекции А. Курдиана передавались с помощью всего лишь 36 букв армянского алфавита, поэтому их оригинальное фонетическое значение, очевидно, было искажено до неузнаваемости.

Не прибавилось оптимизма и после открытия мингечаурских находок. Общее число различных знаков на них не достигает 52, т. е. существование некоторых из букв в принципе пока не подтверждено. В результате сличения этих знаков со знаками рукописных алфавитов выявились дополнительные разительные несоответствия.

Эпиграфика Мингечаура датируется археологами периодом V — VIII вв. (Ваидов 1958, 120). Нет подтверждений и в армянских источниках о бытовании агванского письма после VIII в. (после Гевонда, см. I, 6 данной статьи). Поэтому исследователи все чаще полагают, что в это время агванское письмо действительно выходит из употребления (Климов 1967, 78; Климов 1970, 110). Следовательно, образец агванской письменности из рукописи № 7117 — результат многократного переписывания оригинала, вышедшего из употребления примерно шестьюстами годами раньше, который, как снежным комом, оброс ошибками переписчиков.

По перечисленным причинам, алфавит из рукописей № 7117 и коллекции А. Курдиана не дал возможности надежного прочтения фонетических значений букв и не смог стать ключом для дешифровки кавказско-албанской письменности. Напротив, перед исследователями встала проблема надежно реконструировать его первоначальный облик и определить фонетическое значение букв. Этим занимались А. Шанидзе (Шанидзе 1938, 1960), Ж. Дюме-

зиль (Dumézil 1940—1941), В. Гукасян (Гукасян 1962), А. Абрамян (Абрамян 1964), Г. Климов (Климов 1967, 1970), С. Муравьев (Муравьев 1981, 1982).

Наибольший вклад в этом деле до сих пор принадлежит А. Г. Абрамян, который больше интуитивно, чем методологически оправдано, восстанавливает оригинальные названия букв агванского алфавита и их фонетическое прочтение. Прежде всего он – убежденный сторонник достоверности армянской историографической традиции. Ср. вывод 17: “Палеографический разбор форм агванских букв, архитектоника алфавита и т. д. показали, что все это действительно создано автором армянского алфавита гениальным ученым Месропом Маштоцом по свойственному ему одному оригинальному принципу. Факт этот является новым доказательством достоверности исторических сведений, сообщаемых древними историками и летописцами об агванском письме и письменности” (Абрамян 1964, 69).

В соответствии с этим, в своей работе данный исследователь ориентируется на порядок букв в армянском алфавите, обращая внимание также на графическое сходство с однозначными знаками-прототипами из армянского и грузинского (асомтаврули) алфавитов (“При внимательном исследовании нетрудно заметить, что здесь сходство со знаками армянского языка; это становится более наглядным после исправления явных ошибок, допущенных в армянских транскрипциях названий агванских букв.” – Абрамян 1964, 25 – 26; “Исследование показало, что первообразом для букв алфавита агван явились буквы армянского и грузинского алфавитов.” – Абрамян 1964, 27).

Тем не менее, выше уже отмечалось (см. I, 8 данной статьи), что историзм средневековой армянской историографии требует критического осмысления. Кроме того, тот факт, что Месроп Маштоц действительно мог приложить свои усилия к созданию агванского письма, еще не свидетельствует о том, что в качестве образца для порядка букв в новом его творении, был выбран именно армянский алфавит (см. II, 3 – 4 данной статьи о дискуссии по некоторым конкретным результатам реконструкции А. Абрамяна).

Таблица № 1 показывает результаты этой реконструкции (правильность написания букв проверяется сравнением со знаками мингечаурских надписей и, возможно, надписи из с. Верхнее Лабко; исправленные названия даются по Абрамян, фонетические значения — по нему же и по Климову: Абрамян 1964, 27 – 38; Климов 1976, 445):

Таблица № 1. Агванский (кавказско-албанский) алфавит. Реконструкция.

№ №	рукопись № 7117	мингечаурские находки	надпись из с. В. Лабко	арменизированное название	исправленное название	фонетическое значение
1	Ω	Ɑ Ɑ Ɑ	Ɑ	alt'	alt'	[a]
2	ⱦ	ⱦ	ⱦ	odet'	bet'	[b]
3	Ⱨ	Ⱨ Ⱨ	Ⱨ	zim	gim	[g]
4	ⱨ	—	ⱨ	gat	dat	[d]
5	Ⱪ	Ⱪ	разбито	ēb	eb	[e]
6	ⱪ	ⱪ ⱪ ⱪ	ⱪ или Ⱬ	zafl	zafl	[z]
7	Ⱬ	Ⱬ	Ⱬ	en	ēn	[ē]
8	ⱬ	ⱬ	ⱬ	žil	yil	[ə]
9	Ɑ	Ɑ	Ɑ	t'as	t'as	[t']
10	Ɱ	Ɱ	—	ča	ža	[ž]
11	Ɐ	Ɐ Ɐ	—	yud	yud	[i] или [y]
12	Ɒ	—	—	ža	yayn	[i]?
13	ⱱ	ⱱ ⱱ	—	irb	irb	[i]
14	Ⱳ	Ⱳ	—	ša	la	[l]
15	ⱳ	ⱳ ⱳ	—	lan	lan	[l]
16	ⱴ	—	—	ina	xna	[x]
17	Ⱶ	—	—	xen	xen	[x]
18	ⱶ	—	—	dan	xayn	[x]
19	ⱷ	—	—	čar	car	[c]
20	ⱸ	ⱸ	ⱸ	zox	cox	[c]?
21	ⱹ	ⱹ	ⱹ	kar	kar	[k]
22	ⱺ	—	ⱺ	lit	hit	[h]?
23	ⱻ	ⱻ	ⱻ	het	het	[h]?
24	ⱼ	—	ⱼ	hay	jay	[j]?

Таблица № 1 (продолжение).

25	ar	ar	—	ar	[ä]
26	yoy	yoy	—	yoy	[ö]?
27	či	či	—	či	[č]?
28	čay	čay	—	čay	[č]?
29	mak	mak	мк	mak	[m]
30	kaɪ	yaɪ	кя	yaɪ	[y]?
31	nuç	nuç	нч	nuç	[n]
32	ʃay	šay	шя	šay	[š]?
33	šak'	šak'	—	šak'	[š]?
34	šayn	šayn	—	šayn	[š]?
35	un	on	он	on	[o]
36	tay	čay	—	čay	[č]?
37	xam	čam	ч	čam	[č]?
38	jay	čay	я	čay	[č]?
39	jat	čat	ят	čat	[č]?
40	pen	pen	п	pen	[p]
41	p'es	jes	пс	jes	[j]?
42	kat	iat	кат	iat	[i]
43	sek	sek	с	sek	[s]
44	vez	vew	в	vew	[v]?
45	tiwr	tiwr	—	tiwr	[t]?
46	soy	toy	—	toy	[t]?
47	ion	ron	ион	ron	[r] или [ò]
48	caw	caw	—	caw	[c]?
49	çayn	çayn	—	çayn	[ç]?
50	uayd	uayd	уяд	uayd	[w]
51	p'iwr	p'iwr	—	p'iwr	[p'] или [f]
52	k'iw	k'iw	к'я	k'iw	[k']

3. Парадигматика алфавита. I. Другой взгляд на реконструкцию фонетических значений букв. В целом ряде случаев фонетические значения агванских букв можно уточнить, анализируя особенности парадигматики агванского алфавита.

Недавно Тамаз Валерианович Гамкрелидзе, при изучении письменных систем раннехристианской эпохи, предложил оригинальный подход в решении проблемы их происхождения и типологии, заимствуя ряд положений семиотической концепции языка Ф. де Соссюра. Прежде всего в любой письменной системе, по его мнению, необходимо различать “план выражения” и “план содержания”. “Выражение” письменного знака, или его “означающее” (*signans*), — это та физическая субстанция, с помощью которой осуществляется визуальная репрезентация знака, будь то рисунок, геометрический знак или фигура; “содержание” письменного знака, или его “означаемое” (*signatum*), — это все то, что такой письменный символ выражает, с чем он соотносится, будь то определенное понятие, идея, число, слово, слог или отдельный звук” (Гамкрелидзе 1988, № 5, 6).

Как и другие раннехристианские (коптская, готская, старославянская), кавказские письменности (древнеармянская, древнегрузинская, агванская) оказываются исторически связанными с греческим алфавитом, что становится очевидным, если учесть тот историко-культурный контекст, который сопутствовал их появлению (принятие христианства из Византии, грекоязычный оригинал Евангелия и др.). Это значит, что автор или авторы интересующих нас древних кавказских алфавитов, вне зависимости от того, хотели ли они подчеркнуть связь с греческим прототипом или нет (Корюн повествует о том, что Маштоц наоборот старался противопоставить свой алфавит греческому), все равно ориентировались на его структуру, искали в своих языках аналоги греческим фонемам и т. д. При таких условиях “греческое влияние” надо искать не столько во внешнем графическом сходстве, сколько в парадигматике сравниваемых алфавитов.

“План содержания” греческого алфавита-образца имеет два основных уровня: звуковые и численные значения букв. Последние, первоначально, до обратного греческого влияния, видимо, отсутствовали в источнике греческого алфавита — старосемитской консонантно-силлабической письменности с недостаточным для этого числом символов (всего 22).

Однако общее количество букв греческого алфавита (27) значительно меньше, чем в армянском (36 – 39), грузинском (36 – 38), и тем более, агванском (52), что соответствует различиям в фонетическом строе всех четырех языков, точнее гораздо большему количеству фонем в трех последних.

Технически эта трудность устраняется следующими способами: во-первых, можно сохранить в неприкосновенности порядок знаков, соответствующих общему порядку звуков, выражаемых греческим алфавитом, а уж затем дополнить сохраненную последовательность другими знаками для звуков, отсутствующих в греческом; а во-вторых, можно нарушить парадигматику алфавита-образца, “разбавив” его дополнительными знаками, идущими вперемежку со знаками, для которых есть звуковые аналоги в греческом (соотношение армянского и греческого алфавитов).

В первом случае сохраняется не только последовательность знаков, но и числовой ряд, присущий греческому алфавиту. Во втором — нарушается последовательность знаков, унаследованная от греческой системы, и возникает отличная от греческой система числовых значений. Авторы кавказских алфавитов могли поступать с греческим прототипом либо одним, либо другим из упомянутых способов. И действительно, грузинский алфавит соотносится с греческим так, как будто он осуществил превращения первого типа, в то время как армянский выступает наоборот как следствие второго (Гамкрелидзе 1988, № 5, 29; № 6, 17 – 21).

Таблица № 2 показывает, что агванский алфавит, вероятно всего, образован от греческого тем же способом, что и армянский: дополнительные “специфически” агванские знаки расположены группами в различных местах алфавита. (На большую близость его к армянскому, чем к грузинскому в отношении порядка букв, обозначающих общие с греческим звукотипы, указывал еще А. Шанидзе (Шанидзе 1957, 38 – 43).) Кроме того, данный способ реализован здесь еще более последовательно – при сравнении армянского и агванского алфавитов наблюдается та же закономерность, т. е. парадигматика армянского отображается в агванском алфавите в “разбавленном” виде и между однозначными для обоих алфавитов символами помещаются “специфически” агванские.

Очевидно, именно это обстоятельство, наряду с упоминавшимся выше (см. II, 2 данной статьи), также позволило А. Абрамяну сделать заключение о выводимости агванского алфавита полностью из армянского (Абрамян 1964, 26-39). Тем не менее, в

действительности вряд ли это так. По крайней мере, в двух случаях агванский алфавит, по-видимому, ориентируется не на армянский, а именно на греческий прототип — в нем, как в греческом (и грузинском) отсутствуют знаки для [h] и [j] на месте армянских букв *ho* и *ja* с этим значением. Абрамян же увязывает с последними 23-ю и 24-ю букву агванского алфавита *het* и *hay* (в восстановленном им виде *ǰay*) и, стараясь в точности следовать порядку армянского алфавита, не видит, что предшествующая им 22-я буква *lit*, для которой он реконструирует *hit*, прекрасно согласуется с армянской *kat* [t] и грузинской *las* [l] — аналогами греческой λ [l].

Это очень важное упущение Абрамяна ставит под сомнение целый ряд других реконструкций, произведенных им только на основании следования порядку букв в армянском алфавите. Например, 30-ю букву вместо *kař*, он читает *yař*, 32-ю букву вместо *ǰay* — *šay* и др., но для этого нет никаких других оснований, кроме того, что соответствующие знаки алфавита из рукописи № 7117 не находят соответствия в армянском алфавите.

В таблице № 2 все случаи таких сомнительных реконструкций (в графе “Агванский. Звуковые значения (реконструкция)”) даны обычным шрифтом, в отличие от правильно подмеченных Абрамяном явных искажений в арменизированных названиях агванских букв алфавита рукописи № 7117, которые мы выделили курсивом (реально один случай – ə вместо ẓ̌). Полуужирным шрифтом в этой же графе выделены звуковые значения агванских букв, как правило, ни у кого не вызывающие сомнения. Графа “Агванский. Звуковые значения (по названиям)” призвана продемонстрировать то, как могли бы быть реконструированы звуковые значения букв алфавита из рукописи № 7117, если бы мы опирались на их арменизированные названия. В четырех самых сложных случаях, когда наиболее очевидно, что названия, сохраненные рукописью, не могут указывать ни на какое прочтение, мы привели непосредственно их, без всякой попытки соотнести их с какими-либо звуковыми значениями.

Несмотря на относительно свободный способ следования алфавиту-образцу, тем не менее, и армянский и агванский алфавиты сохраняют соответствие парадигматике греческого. Прежде всего, в них, видимо, в неизменном виде сохранены определенные участки последовательности знаков, свойственной греческому алфавиту: начало (буквы, означающие [a], [b], [g], [d] и [ē или

Таблица № 2. Соответствия парадигматики греческого, армянского, грузинского и агванского (кавказско-албанского) алфавитов.

греческий		армянский		грузинский		агванский		
буквы	число- вые значения	звuko- вые значения	число- вые значения	звuko- вые значения	число- вые значения	звук. значения (по названиям)	звук. значения (реконстр.)	числ. значения (реконстр.)
α	1	a	1	a	1	a	a	(1)
β	2	b	2	b	2	“ <i>odet'</i> ”	b	(2)
γ	3	g	3	g	3		g	(3)
δ	4	d	4	d	4		d	(4)
ε	5	e	5	e	5		e	(5)
(ν)	6	—	—	v	6		—	—
ζ	7	z	6	z	7	z	z	(6)
π	8	ē	7	eu	8	e	ē(ē)	(7)
—	—	ə	8	—	—	ž	—	(8)
θ	9	t'	9	t	9	t'	t'	(9)
—	—	ž	10	—	—	č	ž	(10)
ι	10	i	20	i	10	i, y	i, y	(20)
—	—	—	—	—	—	ž	i	(30)
—	—	—	—	—	—	i	i	(40)
—	—	—	—	—	—	š	l	(50)
—	—	l	30	—	—	l	l	(60)
—	—	—	—	—	—	i	x	(70)
—	—	x	40	—	—	x	x	(80)
—	—	—	—	—	—	d	x	(90)
—	—	—	—	—	—	č	c	(100)
—	—	c	50	—	—	z	c	(200)
κ	20	k	60	ķ	20	k	k	(300)

Таблица № 2 (продолжение).

греческий		армянский		грузинский		агванский		
буквы	число- вые значения	звучо- вые значения	число- вые значения	звучо- вые значения	число- вые значения	звук. значения (по названиям)	звук. значения (реконстр.)	числ. значения (реконстр.)
—	—	h	70	—	—	—	—	—
—	—	j	80	—	—	—	—	—
λ	30	ł	90	l	30	l	h	(400)
—	—	—	—	—	—	h	h	(500)
—	—	—	—	—	—	h	j	(600)
—	—	—	—	—	—	“ar”	ä	(700)
—	—	—	—	—	—	“yoy”	ö	(800)
—	—	—	—	—	—	č	č	(900)
—	—	č	100	—	—	č	č	(1000)
μ	40	m	200	m	40	m	m	(2000)
—	—	y	300	—	—	k	y	(3000)
v	50	n	400	n	50	n	n	(4000)
ξ	60	—	—	—	—	—	—	—
—	—	š	500	—	—	j	š	(5000)
—	—	—	—	—	—	š	š	(6000)
—	—	—	—	—	—	j	š	(7000)
—	—	—	—	y	60	—	—	—
o	70	o	600	o	70	u	o	(8000)
—	—	č	700	—	—	t	č	(9000)
—	—	—	—	—	—	x	č	(10000)
—	—	—	—	—	—	j	č	(20000)
—	—	—	—	—	—	j	č	(30000)

Таблица № 2 (продолжение).

π	80	p	800	ṗ	80	p	p	(40000)
(q)	90	—	—	z	90	—	—	—
—	—	ÿ	900	—	—	p'	ÿ	(50000)
ρ	100	ř	1000	r	100	k	ř	(60000)
σ	200	s	2000	s	200	s	s	(70000)
—	—	v	3000	—	—	v	v	(80000)
τ	300	t	4000	ṭ	300	t	t	(90000)
—	—	—	—	—	—	s	t	(100000)
—	—	r	5000	—	—	i	Г или ó	(200000)
—	—	ç	6000	—	—	c	c	(300000)
—	—	—	—	—	—	ç	ç	(400000)
υ	400	w	7000	wi	400	“yayd”	u(w)	(500000)
φ	500	p'	8000	p	500	p'	p'(f)	(600000)
χ	600	k'	9000	k	600	k'	k'	(700000)
ps	700	—	—	ł	700	—	—	—
σ	800	—	—	g	800	—	—	—
—	900	—	—	s	900	—	—	—
—	—	—	—	ç	1000	—	—	—
—	—	—	—	c	2000	—	—	—
—	—	—	—	j	3000	—	—	—
—	—	—	—	ç	4000	—	—	—
—	—	—	—	ç	5000	—	—	—
—	—	—	—	ç	6000	—	—	—
—	—	—	—	x ^h	7000	—	—	—
—	—	—	—	ç	8000	—	—	—
—	—	—	—	(h)	9000	—	—	—

е]) и конец ([w], [p'] и [k']). Соответствие начала агванского алфавита греческому подтверждает правильность предложенной Абрамяном реконструкции в отношении фонетического значения букв с “неясными” названиями из алфавита рукописи № 7117, попадающих в этот ряд: *odet'* — [b], *zim* — [g], *gat* — [d], *yayd* — [u или w]. До этого, например, Жорж Дюмезиль считал, что [b] может скрываться за одной из букв, обозначающих [p], а [g] — за одной из [x] (Dumézil 1940—1941, 12).

Далее, в обоих случаях все дополнительные знаки, по отношению к греческому ядру вставлены не случайно, а в определенной зависимости. Эта зависимость заключается в том, что их “специфически” негреческие буквы всегда расположены между буквами, имеющими греческие аналоги: группами по 1 — 2 (реже 3) в армянском алфавите, и по 3 — 6 (реже 9) — в агванском. Т. е. последовательность, присущая знакам алфавита-образца, все же сохраняется, но нарушается исходная система числовых значений.

Неясно, однако, образуют ли дополнительные знаки внутри соответствующего алфавита особую парадигму? Как соотносятся друг с другом и по какому принципу составлены их группы?

Т. Гамкрелидзе находит, что “дополнительная” (негреческая) часть древнегрузинского алфавита организована в соответствии с определенным принципом фонетической классификации звуков, может быть, восходящим к Дионисию Фракийскому: [č] ← [c] ← [j] → [ç] → [č̣], т. е. со звонкой аффрикатой в середине и придыхательными и глоттализованными (непридыхательными) аффрикатами по обе стороны от нее (Гамкрелидзе 1988, № 6, 20 – 21).

Но это тот случай, когда дополнительные буквы помещены вместе, после всех других, имеющих греческие соответствия. В армянском и агванском же “специфические” буквы не составляют единого непрерывного ряда, поэтому шанс, что и здесь их расположение закономерно не велик. Однако, и для армянского, как будто, тоже можно проследить сходный фонетический принцип: [c] ← [j] ← [č] ← [y] и [š] → [č̣] → [j̣] → [ç] (придыхательные и непридыхательные аффрикаты, в основном, находятся по разные стороны). В этой последовательности центральное положение *yi* и *ša* приблизительно (9-я и 10-я из 15 букв, обозначающих негреческие звуки) и общая закономерность нарушается три раза (буквы, обозначающие [h], [v] и [r], не имеют пары).

При условии правильности нашего предположения, надо ожидать, что и дополнительные знаки агванского алфавита были расположены в некоей подобной последовательности, которая после многочисленных искажений перестала прослеживаться. Это может существенно помочь в дальнейшей реконструкции фонетических значений “неясных” букв из списка рукописи № 7117 и, в конечном итоге, в дешифровке агванского письма в целом.

Вторая часть вопроса, образуют ли сами группы “специфически” агванских знаков какие-либо структуры (насколько закономерны их сочетания и последовательности), остается пока без ответа. Абрамян видит в каждом таком случае сознательный умысел предполагаемого автора алфавита: “Любопытно, что буквы эти поставлены наряду с буквами, имеющими родственный звук и легко узнаваемыми. Выяснилось, что в алфавите агван поставлены рядом три вида “i”, два “l”, три “x”, два “h”, два “k”, два “c”, три “s”, четыре “c̣”, два “w” и два “c”. Причем, здесь налицо не случайное допущение ошибок переписчиком-армянином; писец, не будучи хорошо знаком с начертанием и звуковым значением алфавита агван, неверно предполагал, что в тексте допущена ошибка из оригинала, и по своему усмотрению изменял значение тех букв, которые имеют аналогичные названия” (Абрамян 1964, 26).

Однако его реконструкции, как уже отмечалось, базируются на слишком зыбком основании. Только в одном случае (38-я *jaui* и 39-я *jat* буквы), совершенно очевидно, что “специфически” агванские буквы кем-то были сознательно объединены в особую группу исходя из фонетических и графических соображений.

4. Парадигматика алфавита. II. Другой взгляд на проблему происхождения. Таким образом, если говорить о происхождении агванского алфавита, то приходится констатировать, что несмотря на его очевидную типологическую близость из двух других кавказских алфавитов, именно к армянскому, все же нельзя делать вывод о полной зависимости первого от второго. Скорее всего, речь должна идти об использовании автором (авторами) агванской и армянской систем письма сходных принципов преобразования общего источника — греческого алфавита.

Оставляя в стороне вопрос об историчности свидетельств Корюна, все же отметим, что описанные особенности парадигматики агванского (как и армянского) алфавита больше соответствуют предположению о длительном характере его формирования, чем об одноактном изобретении одним автором (ср. “генератив-

ную” гипотезу П. Гарда о формировании греческого алфавита путем последовательных в истории расширений первичного ядра: Garde 1984).

Может быть об этом же говорит и тот факт, что агванский алфавит типологически близок в первую очередь армянскому, и что это, в общем, соответствует важнейшей исторической реалии — постепенной, но затем долговременной ориентации населения Кавказской Албании в духовных вопросах именно на армянское исповедание христианства. Религиозный спор и последующее конфессиональное обособление армян (а с ними агван) и грузин произошли никак не в пору возникновения всех трех национальных алфавитов, а — результат более позднего времени, который мог отразиться на алфавитах каждых только ближе к концу процесса их формирования.

5. Числовые значения букв. К сожалению, мы не располагаем надежными данными о числовых значениях агванских букв, но безусловно они были, на что справедливо указывают исследователи, опять-таки, начиная еще с А. Шанидзе. Видимо, не лишено оснований и другое предположение этого ученого — о том, что армянские переписчики пропустили какие-то две буквы агванского алфавита. Учитывая общую тенденцию всех раннехристианских алфавитных традиций свести количество букв, пусть даже нарушая последовательность фонетического, т. е. собственно алфавитного принципа, к некоему числу, кратному 9 (в греческом — 9×3 , в армянском и грузинском, исключая дополнительные знаки — 9×4), надо было бы ожидать в агванском алфавите именно 54 знака (9×6), а не 52. В реконструированном виде числовые значения агванских букв приведены все в той же таблице № 2.

6. Графическое выражение агванского алфавита. I. Маюскул, минускул, проблема реконструкции отдельных букв. В самом общем виде сопоставление алфавита из рукописей А. Курдиана и № 7117 с материалом из Мингечаура показало, что только надпись на каменном постаменте для креста и, может быть, верхнелабковская надпись из Дагестана, выполнены той же разновидностью письма, что и оба рукописных варианта алфавита. Все остальные мингечаурские находки отличаются от них. Очевидно, в агванском, как и в армянском, грузинском и других системах письма, выделяются две разновидности: маюкульная (унциал или лапидарное письмо), определяемая целиком границами двух параллельных линеек (при написании буквы не выходят за

их пределы), и минускульная, определяемая четырьмя линейками, при которой буквы состоят как бы из основного элемента (заключен между двумя внутренними линейками) и крюков или петель (выступают вверх или вниз).

Как показывают данные палеографии, маюскул и минускул могут сильно отличаться друг от друга, что как раз и имеется в данном случае. Кроме того, некоторые буквы рукописного алфавита ни разу не встречаются в надписях: 4-я, 12-я, 16-я, 17-я, 18-я, 19-я, 22-я, 24-я, 26-я, 27-я, 28-я, 30-я, 34-я, 36-я, 45-я, 46-я, 48-я, 49-я и 51-я, и мы вообще не знаем как выглядели их минускульные варианты. Многие из этих букв имеются на верхнелабковской табличке, изображающей агванский алфавит в маюскульной форме, но 25-я (*ax*) — пропущена и там, т. е. за исключением двух рукописных изображений, у нас нет никаких свидетельств о том, как она выглядела.

Интересно также, что изучение мингечаурской эпиграфики позволило прийти к выводу о том, что в агванском письме, как в грузинском и армянском, [ц] и его аналог — гуттуральное [ц̣] обозначаются диграфами [ow] и [oẉ]. До этого исследователи, например Ж. Дюмезиль, полагали, что в качестве [ц] выступает буква *шп*.

7. Графическое выражение агванского алфавита. II. Попытки соотнесения с армянским и грузинским прототипами. Из 52 букв алфавита рукописи № 7117 большинство (29 букв) представляют собой оригинальные знаки, не обнаруживающие прямых аналогий в двух других кавказских алфавитах. Роберт Хьюсен пишет про них: “Что же касается двадцати девяти оригинальных букв, то, если они действительно изобретены св. Месропом, он, вероятно, приближался к закату своего творческого гения: некоторые из них громоздки для написания, большинство неэлегантно по своему облику, и по крайней мере одна буква (*tiwr*) непостижимо начертания” (Хьюсен 1976, 447 – 448; Hewsen 1964, 428 – 431). Начертание двенадцати других агванских знаков (1-я, 2-я, 5-я, 7-я, 8-я, 10-я, 18-я, 25-я, 30-я, 35-я, 46-я, 47-я буквы) напоминает армянские, восьми (11-я, 14-я, 19-я, 20-я, 24-я, 31-я, 43-я, 51-я) — грузинские-асомтаврили, трех (12-я, 49-я и 52-я) — греческие буквы.

По-другому к проблеме графических прототипов агванских букв подходит А. Абрамян. Главным принципом, положенным в основу предпринятой им реконструкции, является поиск звуковых

соответствий, на основе соотнесения порядка букв в агванском и армянском алфавитах. А priori он исходит из представления об обязательном сохранении общего начертания графемы определенного фонетического значения при заимствовании из алфавита-источника в кавказско-албанский.

В ряде случаев это мешает Абрамяну увидеть очевидные аналогии. Например, первая буква агванского алфавита — *alt'* явно похожа на армянские — для [z], [j] и др., напоминающие двойку. Но ни какая из этих последних не стоит в алфавите на первом месте и среди них нет буквы со значением [a], что заставляет его искать сходство данной агванской буквы с *an* [a] — первой в грузинском алфавите. С другой стороны, во многих случаях предположения о графическом родстве агванских букв с армянскими и грузинскими, соответствующими им по значению и месту в алфавите, выглядят натяжкой (см. таблицу № 3).

В своих реконструкциях Абрамян 30 из 52 агванских букв выводит из соответствующих армянских и грузинских, считая, что создатель кавказско-албанского алфавита использовал при этом преимущественно две операции: либо разворачивал, либо переворачивал знаки-оригиналы (Абрамян 1964, 27 – 38). С. Н. Муравьев, также занимавшийся проблемой происхождения кавказско-албанского письма, сходным образом заключает, что возникновение многих агванских букв шло путем “графической деривации” из соответствующих знаков двух других кавказских алфавитов (ряд работ, например: Муравьев 1982).

8. Графические типы. В исследованиях, посвященных происхождению той или иной письменности, наиболее часто, в качестве аргумента доказательства, применяются именно графические сопоставления отдельных букв и их предполагаемых прототипов. (На этом основана, например, методика А. Г. Абрамяна и С. Н. Муравьева.) Однако, как было показано выше, в действительности, историко-генетические исследования любого алфавита отнюдь не должны сводиться только к подобным операциям. В противном случае, например, если не учитывать закономерности развития парадигматики изучаемого алфавита, выводы о предполагаемом источнике его возникновения вряд ли окажутся убедительными.

С изучением “плана выражения”, также, связан вопрос о закономерностях в начертании букв, в частности о графических принципах, которые могли быть использованы при их создании. Так,

Таблица № 3.

**Возможные графические прототипы для букв агванского
(кавказско-албанского) алфавита.**

№ №	на- зва- ние	возможный прототип по:		№ №	на- зва- ние	возможный прототип по:	
		Р.Хью- сену и др.	А.Абрамяну			Р.Хью- сену и др.	А.Абрамяну
1	alt'	арм.	груз.	27	či	—	—
2	odet'	арм.	арм.	28	čay	—	—
3	zim	—	груз.	29	mak	—	груз.
4	gat	—	груз.	30	kaŋ	арм.	арм. ?
5	ēb	арм.	арм.	31	nuç	груз.	арм.
6	zaŋl	—	груз.	32	jay	—	—
7	en	арм.	—	33	šak'	—	—
8	žil	арм.	арм. ?	34	jayn	—	—
9	t'as	—	груз.	35	un	арм.	груз.
10	ča	арм.	—	36	tay	—	—
11	yud	груз.	груз.	37	xam	—	арм.
12	ža	греч.	груз., 11-я агван.	38	jay	—	—
13	irb	—	арм.	39	jat	—	38-я агван.
14	ša	груз.	груз.	40	pen	—	—
15	lan	—	груз., 14-я агван.	41	p'es	—	арм.
16	ina	—	груз.	42	kat	—	арм. / груз.
17	xen	—	—	43	sek	груз.	груз. ?
18	dan	арм.	17-я агван.	44	vez	—	—
19	čar	груз.	—	45	tiwr	—	—
20	zox	груз.	19-я агван.	46	soy	арм.	—
21	kar	—	арм. ?	47	ion	арм.	—
22	lit	—	—	48	saw	—	—
23	het	—	арм.	49	çayn	греч.	—
24	hay	груз.	—	50	yayd	—	арм. / груз.
25	ar	арм.	—	51	p'iwr	груз.	арм. / груз.
26	yoy	—	—	52	k'iw	греч.	арм. / груз.

например, в отношении армянского алфавита уже давно было высказано предположение о том, что в нем, как и в эфиопском, принцип вокализации выражается в приписке к основному знаку короткого отрезка или окружности и др. (Ольдерогге 1975).

В самом общем виде, это — вопрос о том, в какой степени “план выражения” может рассматриваться как самостоятельная система, и о характере системных связей (безусловном или условном) “плана содержания” и “плана выражения”.

С этой целью попробуем выделить типы входящих в агванский алфавит букв, в зависимости от особенностей их графического исполнения. Выделяется 9 таких типов:

1) знаки, вписывающиеся в полуовал (открытый овал), и производные от них: *odet', ēb, lit, un, pen, ion, caw, zox*. Со знаками этого типа связаны: *zim, žil, ar, ĵay, yoy, ča*. Однако, в последних нарушена первичная полуовальная форма (с одной стороны плавное скругление заменено на ровный штрих). Обе группы находятся в таком же отношении друг к другу, как буквы аналогичного типа в маюскульной и минускульной формах в армянском. Возможно, сюда же относится и буква *kat*.

2) знаки, напоминающие двойку, и их зеркальные и перевернутые формы: *alt', gat, mak, kar*. Возможно, к этому типу, также относятся: *zarl, čay, xam, p'es, het, šak'*.

3) три несколько обособленные, но, скорее всего родственные группы знаков с основой в виде вертикальной черты, к которой присоединяются горизонтальные штрихи и крючки: *yud, ža, xam (?), čayn, yayd; irb, dan; vez*.

4) три буквы, которые напоминают видоизмененные армянские *ken* [k] и *vew* [v], несомненно образывавшие пару: *ina, nuç, sek*.

5) буквы, выглядящие как производные от армянской *ho* [h] (или типологически связанные с ней): *en, kač, tay*. Кроме того, минускульная форма первой из них напоминает буквы первого типа.

6) буквы, образованные с помощью прямой линии и окружности: *ša, lan, xen, ĵayn, t'as (?)*.

7) разновидности греческой ф: *hay, p'iwɾ, k'iw*.

8) знаки, напоминающие тройку — *ĵay* и *ĵat*, явно образующие пару.

9) знаки, напоминающие незаконченную восьмерку: *soy*.

Вне этих девяти типов остаются буквы *čar, č'i, tiwɾ*. Все они имеют самое замысловатое начертание.

Наконец, иногда одну и ту же агванскую букву можно отнести к нескольким различным типам.

9. Графическое выражение агванского алфавита. III. Еще один взгляд на проблему происхождения. Не все из указанных

типов достаточно отчетливо атрибуцируются только на одном агванском материале, некоторые могут быть выделены лишь после сравнения с буквами из двух других кавказских алфавитов. Вообще то, что в целом ряде случаев для агванского письма является самостоятельным графическим типом, оказывается, при сравнении с армянским и грузинским материалом, частью более обширной группировки и наоборот. Всего же более или менее определенно можно говорить о двенадцати типах графических знаков, из которых состоят все древние закавказские алфавиты. Кроме того, в грузинском и армянском, также как и в агванском, есть буквы, демонстрирующие полную невозможность отнесения их куда-либо (см. таблицу № 4).

Интересно было бы проследить, насколько эта типология коррелирует с числовыми значениями букв. Хотя, по-видимому, ответ должен быть отрицательным — невозможно увидеть никакой закономерности в том, к какому графическому типу принадлежит та или иная буква с конкретным числовым значением или местом в общей алфавитной последовательности.

Сложнее обстоит с возможной корреляцией по другому признаку — фонетическому значению букв. Характер такой возможности демонстрирует опять-таки таблица № 4 (как и ранее, в квадратных скобки заключены собственно звуковые значения букв; в тех случаях, когда нет возможности опереться на какую-либо достоверную их реконструкцию, приводятся названия букв, которые даны курсивом):

Итак, в предпринятом по указанным признакам (графические типы, фонетические значения букв) сравнении участвует материал всех основных раннехристианских алфавитов Кавказа: агванский, армянский маюскул (еркатагир), армянский минускул (болоргир), грузинский-асомтаврული и грузинский-мхедрули. Данный анализ позволяет сделать следующие предварительные выводы, некоторые из которых проясняют, как мы надеемся, проблему происхождения агванского алфавита (шире – письма), остальные – иллюстрируют общий исторический фон:

1. Алфавиты различаются степенью внутренней стилистической законченности (количеством графических типов, представленных в том или ином алфавите; “нормированностью” букв, входящих в тот или иной графический тип; доминированием или не доминированием определенных графических типов). Это еще раз позволяет предположить, что формирование алфавитов представ-

Таблица № 4.

Типы букв в агванском (кавказско-албанском), армянском и грузинском алфавитах.

агванский (кавк.-алб.)	армянский еркатагир	армянский болоргир	грузинский асомтаврули	грузинский мхедрули	типы букв
[b], [ē], <i>zox</i> , [l], <i>yoy</i> , [o], [p], [r](?), <i>ion</i> , [c]	[a], [b], [g], [d], [ē], [e], [ə], [ž], [l], [ł], [m], [n], [o], [p], [r̄], [s], [r], [kʰ]	—	[z], [l], [m], [p], [r], [s], [ł], [j], [h]	[ž], [q]	1) знаки, вписы- вающиеся в полуовал (открытый овал)
[g], <i>žil, ča</i> , <i>ar, jay</i>	—	[a], [ə], [tʰ], [i], [l], [x], [ł], [m], [n], [š], [o], [p], [r̄], [s], [t], [r], [w], [pʰ],	[n], [č], [ç], [x], [qʰ](?)	—	1а) отступления от “овального” типа в сторону “угловатости”
—	—	—	—	[d], [tʰ], [i], [l], [o], [r], [pʰ], [ł]	1б) отступления от “овального” типа в сторону “округлости”
—	—	[b], [d], [ē], [e]	—	—	1с) [b], [d], [ē], [e] в армянском минускуле

Таблица № 4 (продолжение).

[a], [d], [z], [h], [č], [m], <i>kař</i> , [š], <i>xam</i> , <i>p'es</i>	[z], [c](?), [j], [č](?), [š], [č], [j]	[g], [z], [c](?), [č], [j], [ç]	[a], [d]	[b], [g], [z], [m], [n], [š], [j], [ç], [x]	2) знаки, напоми- нающие двойку (для грузинско- го мхедрули, только возмож- но, равно как, см. 6)
[i/y], <i>ža</i> , <i>xam</i> , [c], [u/w]	—	—	[g], [e], [v], [i]	—	3) знаки с осно- вой в виде вер- тикальной черты, к которой присоединяются горизонтальные штрихи и крючки
[i], <i>dan</i>	[i], [w]	—	<i>ey</i>	—	3а) <i>irb</i> [i] и <i>dan</i> в агван- ском, [i], [w] в армян- ском

Таблица № 4 (продолжение).

агванский (кавк.-алб.)	армянский еркатагир	армянский болоргир	грузинский асомтаврули	грузинский мхедрули	типы букв
[v]	[x]	—	—	—	3b) <i>vez</i> [v] в агванском, [x] в армянском
<i>ina</i> , [n], [s]	[k], [v]	[k], [v]	[b], [k̄], [ž], <i>wí</i> , [q], [š]	—	4) знаки, типа армянских <i>ken</i> [k] и <i>vew</i> [v], или, может быть, напоминающие четверку
[e], [k], <i>tay</i>	[h]	[h]	—	—	5) знаки, типа армянской <i>ho</i> [h]
[tʰ], <i>ša</i> , [l], [x], <i>ǰayn</i>	[g](?), [ž](?), [kʰ](?)	—	[z](?), [l](?), [m](?), [t], [j](?)	см. 2)	6) знаки, образованные с помощью прямой линии и окружности
<i>hay</i> , [pʰ/f], [kʰ]	[pʰ]	—	[p]	—	7) разновидности греческой φ
<i>jay</i> , <i>jat</i>	—	[j](?), [ç](?)	—	см. 12)	8) знаки, напоминающие тройку

Таблица № 4 (продолжение).

<i>soy</i>	[y], [c]	—	—	[t]	9) знаки, напоминающие (незавершенную) восьмерку
—	—	—	[y], [c]	—	10) знаки, образованные с помощью полуокружности
—	—	—	[k], [j]	[j]	11) знаки в виде креста
—	—	—	—	[a](?), [e], [v], eʏ(?), [k], [p], [s](?), wɪ, [k], [c](?), [č], [qʰ], [h]	12) 13 специфических знаков грузинского мхедрули, вероятно, образующих особый тип или особую подгруппу 8) типа
<i>čar, čí</i> , [t]	[tʰ], [t]	[ž], [y], [kʰ]	[t], [o], [č]	[y], [č]	13) знаки, не принадлежащие ни к какому типу

ляло собой процесс, протяженный во времени. Стремление к единому стилю наиболее отчетливо в армянских еркатагире и болоргире и грузинском-мхедрули. С этой точки зрения, наименее устойчивыми являются агванский и затем грузинский-асомтаврули.

2. Может быть можно говорить и о хронологии отдельных этапов формирования агванского алфавита: доминирующие типы в первую очередь характерны для букв общих с греческими.

3. Агванский алфавит – действительно совершенно особая графическая система. В нем, как и во всех остальных кавказских алфавитах, доминируют буквы, принадлежащие типам, не выводимым из соответствующих греческих, арамейских и др. прототипов. Интересно, хотя и выглядит фантастически, что это – прежде всего графические типы из знаков, напоминающих двойку, тройку, восьмерку (соответственно 2-ой, 8-ой и 9-ый типы, см. II, 8 данной статьи). При желании, среди оставшихся “эндемичных” типов можно отыскать таковые, содержащие знаки, близкие к которым потом легли в основу и других индийских (арабских) цифр первого десятка, например, четверку (4-ый тип). Точно также, недостающие знаки для “0”, “1”, “6(9)” могут скрываться за буквами 1-го, 3-го, 6-ого графических типов (пятерка выводима из двойки как инверсия). Что это, случайность? Неисключено, что графические системы индийских цифр, а также древних буквенных алфавитов Кавказа (может быть каких-то еще алфавитов соседнего анатолийско-переднеазиатского ареала) впитали в себя определенное количество графических символов, издревле циркулирующих в этом регионе, например, в виде тамг. Тогда “исторические” авторы, подобные Даниилу, Маштоцу и др., могли черпать из этого наследия и на основе его составлять свои алфавиты.

4. Выбор некоторых букв, нагруженных особым символическим смыслом, видимо, в первую очередь мог зависеть от внешних идеологических причин (аналогично тому, как христианские “изобретатели” алфавитов ориентировались на парадигматику греческого, т. е. православного византийского, образца). Так, в обоих грузинских алфавитах (асомтаврули и мхедрули), несмотря на все их колоссальные отличия, есть графические знаки в форме креста. (О важности этой буквы говорит то, что многие средневековые грузинские документы начинались именно этой буквой: “к. ...”, т. е. “Именем Христа...”). С другой стороны, их нет ни в армянском, ни в агванском. Это очень важный момент и связан он, вероятно, с тонкостями конфессиональных различий грузин — приверженцев

византийской ортодоксии и армян — монофиситов (адептов национальной Армянской церкви). Агваны (кавказские албанцы), как известно, долго придерживались последней.

III. Памятники агванского (кавказско-албанского) письма

Достоверно известные памятники: дешифровка и интерпретация. В настоящее время известны следующие памятники письма, в отношении которых можно с уверенностью сказать, что они кавказско-албанского происхождения (в расчет не берутся списки алфавита из рукописей № 7117 и А. Курдиана, как не являющиеся аутентичными, а представляющие собой копии, выполненные армянскими писцами в более позднее время):

1. Каменный четырехгранный предмет квадратной формы (высота 40,5 см, верхняя часть 78 x 69 см, нижняя — 67 x 62 см) со сквозным отверстием в центре. Обнаружен в 1948 г. археологической экспедицией музея Истории Азербайджана АН Аз.ССР, в городище Судагылан (левый берег р. Куры, недалеко от Мингечаура) на территории (в алтарной части) разрушенного второго Мингечаурского христианского храма VII в. Находка сделана Р. М. Ваидовым. А. Г. Шанидзе описывал ее как каменный постамент алтарного креста (Шанидзе 1957, 38), К. В. Тревер предположила, что это — капитель (Тревер 1959, 318 – 319).

На лицевой грани имеется рельефное изображение мифологической сцены (два павлина, обращенные друг к другу, между ними мировое древо). Над изображением по карнизу на всех четырех гранях прочерчена надпись. Текст сильно поврежден, осталось 58 не пострадавших знаков. Высота букв 5 — 5,5 см. Знаки сходны с алфавитом рукописи № 7117 и представляют собой лапидарное письмо, отличающееся от письма других эпиграфических памятников из Мингечаура. А. Г. Абрамян дешифрует и интерпретирует надпись с позиций современного удинского языка:

(I.) **ALĪA / SĀG[BĀ VSENI / KAĬ]SĪRE / IOARAHGLE / EL [-]**

(II.) **HĀŠH / GOVSE / ĞAΘOSŖOÄ...**

(III.) **...SERBI...**

(IV.) **...ÄI / NOBILI / [EPI]SKAPOSE / IBI / İAİĞ**

(“В тридцатом [году царствования] Ираклия был построен храм (во имя) святого Егише (или Егише Гуса)... в память епископа Овела”) (Абрамян 1964, 41 – 47). Поскольку 30-ый год правления византийского императора Ираклия, а, по-мнению Аб-

рамяна, несомненно, именно о нем идет речь, приходился на 640 г. н. э., автор интерпретации предложил отказаться от других вариантов датировки судагыланского храма (VI в. — Ваидов 1954, 133; VIII – IX вв. — Чубинашвили 1956, 212 – 223) и принять зафиксированную в надписи.

Эту интерпретацию считает ошибочной Георгий Андреевич Климов. Вместо **GOVSE** (*guse*) **ՃԱԾՏՐՈՒ** (*ǰatosʔoa* с ошибочной этимологией у Абрамяна как гибридное сложение арм. *ałotkʔ* и перс. *srah*, т. е. “храм”) он читает: **23(буквенное обозначение числа) usena Xosro(u)...** (“на двадцать третьем году Хосрова”) (Климов 1967, 78). 23-ий год правления Хосрова I Ануширвана приходится на 554 г. н. э., и, таким образом, возникает совершенно другая дата основания храма.

2. Глиняный подсвечник № 1 в виде четырехгранной усеченной пирамиды со сквозным отверстием. Обнаружен Т. И. Голубкиной на территории поселения № 2 Мингечаура, на глубине 1,3 м на месте разрушенного храма, датированного V — VIII вв. Надпись имеется на всех четырех гранях, сделана по сырой глине еще до обжига. Текст каждой грани состоит из нескольких строк. Всего 49 знаков. Буквы сходны по начертанию со знаками других надписей из Мингечаура. Их высота колеблется в пределах 5 — 13 мм.

Р. М. Ваидов предложил читать эту надпись, начиная с грани, на которой заполнены все пять строк, т. е. нанесено наибольшее число знаков — 17 (Ваидов 1951, 83). Этот же порядок чтения принял и А. Г. Шанидзе (Шанидзе 1959, 203).

Г. А. Климов объясняет логику такого выбора: “Поскольку две первых строки (при общем направлении агванского письма слева направо и сверху вниз) заполнены только на I грани, напрашивается интуитивное предположение, что начало надписи находится именно на ней: это обстоятельство, по-видимому, и привело к подобному условному решению Р. М. Ваидова, впервые опубликовавшего памятник. Однако в пользу такого предположения можно привести и некоторые аргументы формального порядка, используемые обычно в практике дешифровки.

Конец надписи без труда определим на пятой строке III грани (грань с 7 знаками — *И.К.*) ввиду незаполненной ее правой части. Ему, однако, не может предшествовать третья строка этой же грани, поскольку в этом случае необъясним был бы пропуск здесь всей четвертой строки. Напротив, имеются все основания считать,

что заключительному фрагменту предшествовала пятая же строка соседней II грани” (грань с десятью знаками — И.К.) (Климов 1970, 111).

Получается, что при нанесении надписи автор использовал и подстрочный принцип (на первой грани) и круговой (на остальных).

Кемал Алиев, изучавший оригиналы мингечаурской эпиграфики в Музее истории Азербайджана (а не по фотоснимкам или прорисям, как он сам подчеркивает), различает в надписи два самостоятельных предложения: первое занимает все четыре грани и состоит из 29 хорошо сохранившихся и 4 или 5 испорченных знаков, второе — три грани и 18 или 19 знаков. Это предполагает лишь одно круговое прочтение: “Надпись идет слева направо: писец начал с одной из граней (с ее середины) и из-за недостатка места переходил по горизонтали на следующие. Для начала второй фразы он использовал верхнюю свободную часть второй грани и тоже по горизонтали письма переносил с грани на грань вплоть до завершения предложения” (Алиев 1992, 77).

А. Г. Абрамян предлагает другой порядок чтения (с IV грани по расчету Р. Ваидова, затем I и II грани, и заканчивая III) и дешифрует и интерпретирует эту надпись с позиций современного удинского языка:

(I.) V [IXAŽOV]G / EĶ [-]	(II.) ZAİŎ [-]
OVIBE	Ń / ŃOQARE
ĶAĶAR	ĶAVRE
(III.) ŽĒNA	(IV.) IBOV
XAŠ[KAN]IBI	İAİ

(“*Да простит бог грехи презренного Чахаре [u] осветит дух его*”) (Абрамян 1964, 51-55). Однако, выбор им направления в чтении надписи выглядит случайным.

В. Гукасян приводит два собственных варианта интерпретации, резко отличающихся от абрамянского (язык также удинский): “*Бог скорее бы для меня... ты... мать [моя]... сделанный есть*” или (чтение с другой стороны) “*Мне, иноку... ты Бог, скорее бы...*” (Гукасян 1969, 71).

3. Глиняный подсвечник № 2 (форма аналогична). Найден также на территории поселения № 2, на глубине 1 м. Надпись выполнена по сырой глине до обжига. Всего 15 знаков, из которых 9 записаны по кругу (десятый знак из круговой последовательности, очевидно, был сбит), и по 3 вертикально на разных гранях (знаки

аналогичны другим мингечаурским). Вертикальные надписи, видимо, должны были покрывать все четыре ножки светильника (сохранились только на двух). А. Г. Абрамян распознает в ней удинские и персидские слова (религиозные термины):

(I.) ЕЅ	(II.) GƏƏĀ
ŽAR [-]
(III.) Ē / AB [-]	(IV.) Ā
IBI

(“Да будут отпущены грехи Гюта”) (Абрамян 1964, 56 – 58).

По-видимому, прав Г. А. Климов, не соглашающийся с такой интерпретацией и предлагающий читать надпись с графемы, обозначающей *a* (выписана значительно крупнее остальных), т. е. с четвертой грани по счету Абрамяна. В этом случае девять (или десять) знаков круговой надписи являются аутентичным списком начальной части агванского алфавита, причем порядок букв в нем тот же, что и в рукописи № 7117, подлинность которой, таким образом, еще раз подтверждается. В отношении оставшихся знаков, Климов замечает: “Мы не касаемся остальных шести знаков, записанных по вертикали и пока не поддающихся толкованию” (Климов 1970, 109 – 110).

4. Глиняный подсвечник № 3 (форма аналогична). Найден в 1952 г. Г. И. Ионе на территории поселения № 2 в Мингечауре на глубине 2,7 м. Надпись сделана уже после обжига на одной из граней (9 букв), используя тот же алфавит. А. Г. Абрамян читает в ней удинское: **ZOV / QIJĠEL** (“Я глупец” или “Я невежда”) (Абрамян 1964, 59 – 60), В. Гукасян — также удинское “Я младший” или “Я маленький” (Гукасян 1969, 72).

5. Глиняный черепок № 1. Раскопан Т. И. Голубкиной в 1948 г. на территории XII квадрата раскопок в Мингечауре (храмовый участок) на глубине 1 м, в слое гравия. Черепок, видимо, является фрагментом подсвечника в форме усеченного конуса. Однако К. В. Тревер пишет о нем как об обломке глиняной черепицы (Тревер 1959, 336), а К. Алиев предполагает, что это — “фрагмент керамического изделия (большого хозяйственного кувшина или специально приготовленной таблички)” (Алиев 1992, 79). Надпись сделана еще до обжига и выполнена в той же системе письма, что и остальные мингечаурские. Сохранился ее фрагмент (21 знак в

четырёх строчках). Высота букв — 1,5 — 2 см (Голубкина 1949, 233 – 234). А. Г. Абрамян пытается распознать в ней удинские слова и, возможно, персидское:

ZOV M...
BÖVZA...
ĀĀ ZO[V]...
BĀ / ĀE...

(“Я М... уместный (перс. ?)... Я... бог...” (Абрамян 1964, 60 – 61). В. Гукасян по-другому интерпретирует содержание надписи: “Я М[анас] [этот] подсвечник взял (купил или получил) для невесты” (Гукасян 1969, 72).

6. Глиняный черепок № 2 (по счету А. Г. Абрамяна). Найден В. П. Фоменко в 1948 г. на пятом квадрате раскопок (правобережье Мингечаура) на глубине 1,1 м. Он является нижней частью разбитого четырехгранного пирамидообразного подсвечника. Надпись сильно повреждена (сохранилось 13 знаков: 9 на верхней строчке, 4 — на нижней), система письма та же. А. Г. Абрамян распознает три слова (два удинских, одно персидское):

ZOV WABAĀA...
...BĪĀ[LA]

(“Я грешный (перс.) ... умирающий...” (Абрамян 1964, 63).

7. Глиняный черепок № 3 (счет А. Г. Абрамяна). Найден на втором участке раскопок Мингечаура. Также является обломком красноглиняного подсвечника. Предположительно, черепки № 2 и № 3 могут быть частями одного и того же предмета (Климов 1967, 70), например, ножками светильника (Алиев 1992, 78-79). Сохранился фрагмент надписи, выполненной агванским письмом (10 знаков). А. Г. Абрамян видит в нем два искаженных персидских слова: **ХІІЕВО** (скорее всего дат. пад. от перс. GABI) **NAJA**[Θ] (“Спасение надежды”) (Абрамян 1964, 63 – 64).

8. Глиняный черепок № 4. Обнаружен в 1948 г. археологической экспедицией АН Аз.ССР на втором участке раскопок в Мингечауре на глубине 0,65 м. По Ваидову, черепок представляет собой верхнюю часть красноглиняной четырехгранной усеченной пирамиды (Ваидов 1958), по Алиеву — “фрагмент венчика, по видимому, осколок от хозяйственного кувшина” (Алиев 1992, 80). Надпись состоит из шести знаков (шестая буква сильно повреждена), которые представляют ту же систему письма, что и на других мингечаурских находках. А. Г. Абрамян осторожно предпола-

гает, что это персидское слово: **MAGAR...** (“ничтожный”) (Абрамян 1964, 58 – 59). Г. А. Климов считает эту интерпретацию “бессмысленной” и, вместо этого, дешифрует надпись как **MANASE** (известное в истории Кавказской Албании собственное имя) (Климов 1967, 77 – 78).

Кроме эпиграфических памятников, найденных во время работы Мингечаурской экспедиции, есть еще ряд более мелких находок, содержащих обрывки надписей или отдельные знаки, аналогичные мингечаурским (Алиев 1992, 81):

9. Венчик большого хозяйственного кувшина из Караултепе (30 км к югу от Кабалы). Датируется началом VIII в. Сохранился фрагмент врезанной надписи (два знака).

10. Фрагменты черепиц, открытые во время раскопок в местности Кётукли и Гюллюк недалеко от Лекита. Среди них имеются черепицы с отдельными знаками. Знаки рельефны, высота 5 — 12 см.

Памятники, вызывающие сомнения. Кроме серии мингечаурских находок, и отдельных экземпляров, происходящих из местностей к северо-западу и к северо-востоку от Мингечаура, имеется еще целый ряд надписей, в отношении которых в разное время делались предположения об их агванском происхождении, но это так и не было надежно подтверждено. Зачастую они выполнены близкой, но все-таки иной системой письма, или же отражают какой-либо другой язык. Сохраняется возможность, что, по крайней мере, часть из них — это плохо читаемые грузинские и армянские надписи. Информацию о некоторых из них мы уже поместили в разделе об истории открытия агванского письма (см.):

1. Обломок плиты из обожженной глины из с. Тхоба-Ерды. В настоящее время хранится в музее г. Орджоникидзе (Владикавказ). На памятнике имеется рельефное изображение дерева с сернами по сторонам и надпись. Письмо лапидарное, буквы напоминают алфавит рукописи № 7117 и грузинские-хуцури. Иосиф Абгарович Орбели определил надпись как агванскую и, исходя из грузинского произношения букв, прочитал имя Gotarz (Март 1947, 8). А. Г. Абрамян сомневался в принадлежности этой надписи к памятникам кавказско-албанского письма (Абрамян 1964, 20).

К. В. Тревер обратила внимание на сходство памятника по сюжету и стилю изображения с мингечаурским каменным постаментом, сердоликовой печаткой из погребения в с. Хинисли (Шемахинский район) и одним бронзовым кувшином из Кубачи (с пав-

линами по сторонам пальмы) и заключила: “имеются все основания считать догадку И. А. Орбели, что перед нами надпись албанская, в известной мере обоснованной” (Тревер 1959, 336 – 337).

2. Камень из с. Орода в Гунибском районе Дагестана (см. выше).

3. Дербентская надпись. Мнение об агванском происхождении надписи, ранее высказанное М. Смбатяном и М. Бархударяном (см. выше), в свое время поддерживал А. Г. Шанидзе (Шанидзе 1938, 53 – 54). А. Г. Абрамян сомневался в этом (Абрамян 1964, 20).

4. Надписи на надгробиях трех гюртенчайских кладбищ (Дагестан), виденные в 1879 г. А. В. Комаровым (см. выше).

5. Надписи на надгробиях еще одного древнего кладбища, находящегося в лесу, в районе устья р. Самур и станции Белиджи (Дагестан), виденные в 1928 г. И. А. Орбели. Письмо их, по определению Орбели, армянское, но читаются неармянские имена и слова (Тревер 1959, 338).

6. Надпись на стене Ниноцминдского храма (Сагареджойский район, Грузия). Состоит из трех строк. По мнению А. Г. Шанидзе, выполнена на языке т. н. *herov* — коренного албанского населения Эрети (Шанидзе 1938, 54). А. Г. Абрамян сомневался в принадлежности этой надписи к памятникам кавказско-албанского письма (Абрамян 1964, 20).

7. Камень из бывшего с. Балушен (Огузский район, Азербайджан), найденный в 1937 г. и до сих пор неизданный. На камне имеется надпись из восьми букв (Казиев 1948, 402).

8. Каменная табличка с изображением агванского алфавита из с. Верхнее Лабко (Левашинский район, Дагестан) (см. выше).

Памятники, ложно приписываемые к агванским. Уже писалось о “мнимых” кавказско-албанских рукописных находках Борэ и Карамиянца (см. выше). Существует также ряд эпиграфических памятников, по языку или особенностям письма, ошибочно относимых к кавказско-албанским. Кемал Алиев справедливо отмечает в этой связи: “Желание увидеть албанские языки там, где их нет, нередко приводит к ляпсусам или грубым ошибкам. Это именно случилось со знаками на тесаных камнях бешигдагского храма (Агдамский район) или с так называемой албанской надписью из Лачинского района” (Алиев 1992, 81). Все они на проверку оказывались плохо читаемыми армянскими.

В последнее время, этот, в общем-то чисто академический вопрос приобрел политический оттенок. Сейчас среди простых удин, особенно в Нидже, уже не умеющих читать по-армянски ук-репилась тенденция объявлять все “непонятные” армянские письмена, даже очень поздние, “древними албанскими”, т. е. своими.

Следующие памятники, ложно приписываемые к агванским, в действительности являются армянскими (речь, разумеется, идет только об их лингвистической атрибуции; сложный в сущности вопрос об этнокультурной принадлежности этих памятников здесь не затрагивается):

1. — 2. Два черепка из Старой Гянджи, представляющие собой обломки красноглиняного сосуда. Обнаружены: один директором Кировобадского (Гянджинского) музея Е. Р. Халдариним в 1935 г., другой — археологом И. М. Джафарзаде в 1940 г. Ныне хранятся в музее г. Гянджи. Надпись на обоих из трех строк сделана эпиграфическим письмом (оттиснута штампом).

На взгляд открывателя (И. М. Джафарзаде) “буквы их напоминают буквы армянского и грузинского алфавитов, а может быть и агванского” (Джафарзаде 1949, 30). Черепки видел академик И. И. Мещанинов, предположивший, что на обоих фрагментах имеется одно и то же слово или одна и та же фраза (Джафарзаде 1949, 32). А. Г. Шанидзе определил сходство некоторых знаков с буквами алфавита рукописи № 7117 и пришел к заключению, что это “по всей вероятности, есть первая ласточка из ряда фрагментов албанской письменности” (Шанидзе 1938, 60).

Однако А. Г. Абрамян сначала в статье, специально посвященной находкам (Абрамян 1956), а затем и в своей книге, показал, что перед нами не буквы агванского алфавита, а зеркально отображенные армянские, т. н. *šrġagir* (“перевернутые письмена”), которые часто применяются в армянских криптограммах. Он предложил и интерпретацию сохранившихся фрагментов: “...*Казара, Асира* (личные имена в род. пад.)...”, “...*Севадина сын, который есть Севад...*”, “...*в лето 240...*” (Абрамян 1964, 14).

3. Глиняный черепок из музея им. Низами с изображением на мифологический сюжет (“дракон, преследующий лошадь”) и надписью в шесть букв. А. Г. Абрамян читает ее как типичное для армянских надписей сокращение от “*Слуга (божий) Астуацатур*” (Абрамян 1964, 15).

4. Обломок красноглиняного сосуда из Мингечаура с фрагментом надписи из трех знаков. Найден на глубине 4 м Р. М.

Ваидовым, который посчитал надпись агванской (Ваидов 1961, 142). Абрамян видит в ней армянское личное имя “Сим[еон]” (Абрамян 1964, 16).

5. Обломок фигурного каменного украшения в виде соединенных основаниями двух листьев с надписью из семи букв. Раскопан Р. М. Ваидовым и В. П. Ф. Фоменко в северной части двора Мингечаурского храма (Ваидов, Фоменко 1951, 92). То, что надпись на этой мингечаурской находке также является не агванской, а армянской, предполагала еще Тревер (Тревер 1959, 339). Абрамян переводит ее как “Обик инок” (арм. **ՕՅԻԿ ԱՅ[ԵՂԱ]**) (Абрамян 1964, 17).

6. Обломки стенных украшений из мягкой меловой породы с вырезанной надписью. Найдены во время работы Мингечаурской экспедиции на полу храма в городище Судагылан (Казиев 1949, 398). Т. И. Тер-Григорян определил эту надпись как армянскую (Ваидов, Фоменко 1951, 92).

В 1956 г., будучи в Баку, обломками с фрагментами надписи заинтересовался А. Г. Абрамян. После того, как обломки были подобраны друг к другу, ему удалось восстановить единый текст, который поддавался прочтению с позиций армянского языка (Абрамян 1956, 66 – 72). Свою интерпретацию предложил и Орбели: “Во время 35 года Иракла, я, Нерсех, построил место искупления (или мартирий) во имя св. Елиша (Елисея — И. К.)” (Тревер 1959, 339). Смущало упоминание именно 35-го года, поскольку византийский император Ираклий правил только 31 год (610 — 641 гг.). Налицо был очевидный анахронизм.

Абрамян уделил интерпретации этой надписи особое внимание и вернулся к ней еще раз в своей книге (Абрамян 1964). Ему казалось, что надпись тесно связана с агванской на каменном постаменте из того же судагыланского храма (в нашем перечне агванских памятников — № 1, см. выше). При втором прочтении он откорректировал датировку, в соответствии с тем, что в агванской надписи, по его мнению, упоминался 30-ый год. Кроме того, он не нашел уже и обломка с именем Нерсеха (Нерсеса). Получилось следующее: “В тридцатом году [благочестивого царя] Ираклия... был построен храм во имя святого Егише (Елисея — И. К.)” (Абрамян 1964, 18 – 20). Однако, как было отмечено выше (см.), дата, которую Абрамян читает в этой агванской надписи, весьма проблематична.

7. Тесанные камни со знаками из Бешигдагского храма (Агдамский район, Азербайджан) (Алиев 1992, 81).

8. Лapidарная надпись из шести строк, найденная в 1980 г. в Лачинском районе (Азербайджан). К сожалению, опубликовавший ее под подписью “Камень с албанской надписью” В. А. Алиев (Алиев 1981, 414 – 415) не дает никаких пояснений о времени и месте обнаружения находки. Генрик Свазян читает ее по-армянски следующим образом:

[ES, VAR]T'
AN [KA] NGNE [-]
CI ZXAÇS
HOGO / IM[O]Y / WOR / K
ARDEK' Y[A]G[A]WT'S
[Y]IŞECEK'

(“[Я, Вар]дан, водрузил крест во спасение души моей”)(Свазян 1987, 43).

Данная публикация ни в коем случае не должна рассматриваться как законченная работа или окончательное подведение итогов. В намерения автора входит продолжить изыскания в этой области, в частности сравнительно-типологическое исследование раннесредневековых алфавитов (алфавитных текстов) Кавказа. Вместе с тем, тематика этого выпуска делает нужным освещение основных фактов об агванском (кавказско-албанском) письме, которыми располагает современная наука. Это объясняет, почему некоторые части статьи – больше информация, чем исследование.

Существование местного письма, применявшегося в Кавказской Албании после открытий 1930 – 1950-х гг. уже ни у кого не вызывает сомнения. До этого мы могли только гадать, полагаясь на данные средневековых армянских источников. Однако и сейчас еще число вопросов превышает число ответов. Нет ни одной находки, которая бы содержала в себе сколько-нибудь пространственный текст, ни одной окончательной интерпретации тех фрагментов, которыми мы располагаем. Много вопросов продолжает вызывать проблема происхождения агванского письма, хотя уже сейчас можно предположить, что это был неодноактный растянутый во времени процесс.

Кавказско-албанская письменность просуществовала относительно недолго, с V по VIII в., т. е. около трехсот лет. И хотя есть бесспорные свидетельства того, что ею было записано, по мень-

шей мере, несколько больших текстов (но эти тексты не сохранились в оригинале), до сих пор неясно, насколько она смогла стать нормированной, и не является ли столь скромное число находок косвенным подтверждением того, что культура Кавказской Албании типологически так и не стала письменной, в том смысле, в каком уже тогда, хотя бы к VIII в., были письменными грузинская и армянская культуры. На Кавказе, в лице средневековой Алании, мы имеем один отчетливый пример такой “молчаливой” цивилизации, тем не менее для своего времени достаточно развитой, но по другим параметрам (церковь, города и др.)!

Следующая группа вопросов касается идентификации “гаргарского” языка, который обслуживался кавказско-албанской письменностью. Большинство исследователей склоняется к мысли, что им мог быть староудинский – язык удин в своем древнем состоянии. Но, используя его для чтения дошедших памятников, при отсутствии надежных исторических реконструкций, мы неминуемо наталкиваемся на барьер. Кроме того, вырисовывающаяся общая культурная ситуация не противоречит тому, что в Кавказской Албании, хотя бы на каких-то этапах ее существования, письменность могла носить гетерогенный характер и наряду со староудинским, в качестве языков письменности, эпизодически могли выступать и другие, например, староаварский и др.

Большей ясностью обладает наша информация о самом характере письма. В этой связи Г. А. Климов замечает: “Даже если игнорировать существование списков алфавита, буквенный характер агванского письма легко определим, так как на весь корпус эпиграфики, составляющий немногим менее 200 знаков, насчитывается лишь около 35 графических инвариантов (пока еще не завершенная работа по отождествлению написаний на камне и граффити в качестве вариантов графем велась в основном А. Г. Абрамяном). На буквенный принцип письма указывает и характер частоты появления новых знаков на равных следующих друг за другом отрезках текста (вместе с тем, он свидетельствует о многобуквенности лежащего в его основе алфавита). Направление письма слева направо, до сих пор специально не обосновывавшееся, без труда устанавливается по характеру пробелов в строках, по наклону письма и ряду других признаков (ср., например, приписку на последней — при чтении слева направо — грани круговой надписи на постаменте креста). Словоделение осуществляется редко” (Климов 1967, 74).

В последнее время, в особенности с конца 1980-х гг., к числу трудностей, с которыми сталкивается научное изучение кавказско-албанского письма, прибавились новые, появление которых связано с идеологическими противоречиями между двумя соседними республиками, с событиями, приведшими в конце концов к вооруженному армяно-азербайджанскому конфликту. Обе стороны активно используют кавказско-албанскую проблематику в пропаганде своего исторического приоритета в Карабахе и других соседних частях Азербайджана. Этим давно уже “грешит” местная наука в обеих республиках, а ныне это находится еще и в тесной связи с подталкиваемыми данным конфликтом, процессами этнической идентификации среди азербайджанцев, армян и удин.